

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направлению подготовки)

Уголовное право и процесс

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Актуальные проблемы квалификации преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы»

Обучающийся

А.А. Носков

(Инициалы. Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

д-р юрид. наук, профессор, В.К. Дуюнов

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2022

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Понятие преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности, анализ объективных признаков составов преступлений и их влияния на квалификацию.....	9
1.1 Понятие, виды и общая характеристика преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности.....	9
1.2 Половая свобода и половая неприкосновенность как объект уголовно-правовой охраны и объект преступлений.....	12
1.3 Общее и особенное в объективной стороне составов преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности ...	15
Глава 2 Субъективные признаки составов преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности и их влияние на квалификацию	37
2.1 Проблемы квалификации преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности по признакам субъективной стороны их составов.....	37
2.2 Проблемы квалификации преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности по признакам их субъекта	44
Глава 3 Проблемы совершенствования уголовно-правового регулирования и квалификации преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности в России.....	49
3.1 Проблемы совершенствования уголовно-правового регулирования и квалификации изнасилования, насильственных действий сексуального характера и понуждения к действиям сексуального характера	49
3.2 Проблемы совершенствования уголовно-правового регулирования и квалификации полового сношения и иных действий сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста и развратных действий.....	56
Заключение	71

Список используемой литературы и используемых источников	78
--	----

Введение

Актуальность исследования. Конституция Российской Федерации [24] (Конституция РФ) создавая прочный базис основных прав и свобод, в числе наиболее важных прав, адресованных каждому, обозначила право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22). Важной составляющей данного права, без сомнения, является половая свобода и неприкосновенность личности.

Совершенно не случайно половая свобода и неприкосновенность личности нашла своё отражение в качестве объекта уголовно-правовой охраны в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации [70] (УК РФ). Речь идёт о положениях, закреплённых в главе 18 «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности».

К.Д. Николаев справедливо отмечает, что «травмы, полученные в результате совершения преступлений против половой неприкосновенности, зачастую влекут за собой необратимые психологические и физиологические проблемы» [32, с. 118].

Важность противодействия посягательствам в данной сфере предопределяет ведущее место уголовно-правовых средств воздействия в данном аспекте.

Как верно отмечается специалистами, «устанавливая уголовно-правовой запрет на осуществление деяний, посягающих на исторически сложившийся уклад интимных отношений, уголовное законодательство неизбежно выполняет и роль существенного социального регулятора половых взаимоотношений» [2, с. 3], что обуславливает необходимость максимально точного, непротиворечивого, содержательного и эффективного формулирования конструкций соответствующих составов преступлений, следуя принципу правовой определённости.

Актуальное и сбалансированное законодательство, а также правильная практика его применения способны минимизировать разрушительные

последствия половых преступлений, а также способно стать первоосновой их действенной профилактики.

Внимание законодателя к обозначенному объекту уголовно-правовой охраны очевидно – на протяжении последнего десятилетия в текст главы 18 УК РФ вносилось множество знаковых изменений, направленных на совершенствование нормативного регулирования вопросов ответственности за посягательства на половую свободу и неприкосновенность, однако, нормы вышеназванной главы по-прежнему далеки от совершенства, а ряд предпринятых законодателем шагов вызывает острую критику среди специалистов в уголовном праве.

Правоприменительная практика, сталкиваясь с неоднозначностью терминологии и отсутствием чётких и непротиворечивых правил квалификации преступлений против половой свободы и неприкосновенности личности (или половых преступлений, как указывается в научной и учебной литературе), также не отличается единообразием. Не всегда последовательной и отвечающей базовым концептуальным подходам, выработанным в уголовно-правовой науке, видится и правовая позиция, выражаемая Пленумом Верховного Суда РФ.

Сказанное обуславливает актуальность и острую социальную значимость данной темы исследования и предопределяет важность её разработки.

Объект исследования – комплекс охраняемых уголовным законом общественных отношений, связанных с защитой половой свободы и неприкосновенности личности.

Предмет исследования – уголовно-правовые нормы, а также материалы правоприменительной практики, посвящённые регламентации вопросов ответственности за преступления против половой свободы и неприкосновенности в нашей стране.

Цель исследования – рассмотреть, охарактеризовать и проанализировать актуальные проблемы ответственности за преступления против половой

свободы и половой неприкосновенности в современном отечественном уголовном праве.

Задачи исследования:

- произвести анализ объективных и субъективных признаков составов преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности в России;
- разработать проблемы совершенствования уголовно-правового регулирования и квалификации преступлений против половой свободы;
- произвести анализ проблем совершенствования уголовно-правового регулирования и квалификации преступлений против половой неприкосновенности;
- сформулировать выводы и предложения, направленные на совершенствование существующего уголовно-правового регулирования в обозначенной сфере.

Теоретическая основа исследования. Теоретическая основа исследования включает в себя учебную литературу, комментарии к действующему законодательству, монографии и научные публикации.

Методы исследования. В основе исследования лежит комплекс общих и частных методов современного научного познания, включая логико-структурный анализ правовых норм.

Научная новизна исследования. Научная новизна исследования predetermined комплексным подходом к проблематике темы и использованием широкого спектра источников, посвящённых обозначенной сфере научного анализа.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут стать основой для последующего научного поиска в рамках обозначенного круга проблем. Кроме того, результаты проведённой работы могут быть использованы в образовательной деятельности, а также разработке законотворческих инициатив.

Степень разработанности темы исследования. Вопросы, касающиеся проблем квалификации половых преступлений, поднимается в ряде работ отечественных специалистов. Следует выделить труды таких авторов как: А.А. Бимбинов, А.В. Агафонов, Д.Е. Васильченко, Д.А. Дьяченко, А.Д. Оберемченко, Р.Б. Осокин, Ю.А. Островецкая, А.А. Энгельгардт и других специалистов.

Нормативно-правовая основа исследования. Нормативно-правовая основа магистерского исследования включает в себя положения действующего уголовного законодательства, а также иные нормативно-правовые документы и материалы правоприменительной практики.

Положения, выносимые на защиту:

- представляется необоснованным с точки зрения медицинской науки и законодательной техники включение в диспозиции составов преступлений против половой свободы и неприкосновенности категорий «мужеложство» и «лесбиянство». Данные категории являются разными по своему содержанию и пересекаются с категорией иных действий сексуального характера, что лишает смысла их отдельное нормативное закрепление. В этой связи стоит отказаться от данных терминов в пользу термина «гомосексуальные действия». Данный оборот более лаконичен и при этом содержательно включает в себя весь спектр действий сексуального характера между лицами одного пола;
- критический анализ примечания к ст. 131 УК РФ приводит к выводу о нецелесообразности распространять правила квалификации, содержащиеся в примечании, на совершение бесконтактных развратных действие в отношении лица, не достигшего возраста 12 лет. Тем не менее, данное деяние может найти отражение в рамках отдельного квалифицированного состава в ст. 135 УК РФ. Временным решением (до законодательных преобразований) изложенной проблемы могут стать новые разъяснения Пленума

Верховного Суда РФ о содержании и способах совершения развратных действий, препятствующие квалификации бесконтактных развратных действий в отношении лица, не достигшего возраста 12 лет по правилам, диктуемым примечанием к ст. 131 УК РФ;

- с учётом того, что на ранних этапах формирования личности ребёнок не обладает необходимой степенью осознанности и не способен объективно осознавать содержание развратных действий бесконтактной природы, представляется необходимым определить нижнюю возрастную границу для потерпевшего при бесконтактной форме развратных действий по ст. 135 УК РФ. Конкретизация данной возрастной границы должна основываться на авторитетных исследованиях в области детской психологии.

Структура магистерской диссертации. Магистерская диссертация состоит из введения, трёх глав, логически разделённых на отдельные параграфы, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Понятие преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности, анализ объективных признаков составов преступлений и их влияния на квалификацию

1.1 Понятие, виды и общая характеристика преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности

Сексуальные отношения всегда и в любых правовых и социокультурных традициях составляли и продолжают составлять неотъемлемую составляющую жизни индивида – на каждом из этапов его личностного и нравственно-этического становления. Совершенно не случайно половая свобода и неприкосновенность личности нашла своё отражение в качестве объекта уголовно-правовой охраны.

Интимная сторона человеческой жизни находится большей своей частью за пределами не только уголовно-правового, но и правового регулирования в целом, будучи урегулированной нормами морали.

Уголовное же законодательство призвано обозначить запрет на совершение противоправных деяний, явно и грубо противоречащих основным естественным принципам половой морали, исторически сложившихся половых взаимоотношений и т.д.

Важность противодействия посягательствам в данной сфере предопределяет ведущее место уголовно-правовых средств воздействия в данном аспекте. В связи с этим, в контексте уголовно-правового регулирования ответственности за посягательства на половую свободу и половую неприкосновенность личности, в рамках главы 18 УК РФ обозначен комплекс норм, посвящённых регламентации ответственности за, так называемые, половые (или сексуальные) преступления.

Специалистами верно подчёркивается, что в рамках главы 18 УК РФ «нашла отражение та часть уклада половых отношений в обществе, которая

поставлена под уголовно-правовую охрану. Все остальные сферы интимных связей регулируются нормами половой морали» [66, с. 213].

Как отмечает авторский коллектив под редакцией В.К. Дуюнова, «половая свобода и половая неприкосновенность – естественные человеческие права, заключающиеся в возможности самостоятельного решения относительно сексуального партнера и форм удовлетворения сексуальных потребностей. Сказанное, однако, не относится к несовершеннолетним, которые в силу возраста не всегда в состоянии самостоятельно взвесить социально-нравственную значимость собственного решения. Поэтому закон охраняет их половую неприкосновенность вне зависимости от их волеизъявления» [64, с. 359].

Устанавливая уголовно-правовой запрет на осуществление деяний, посягающих на исторически сложившийся уклад интимных отношений, уголовное законодательство неизбежно выполняет и роль существенного социального регулятора половых взаимоотношений, в связи с чем с определенной неизбежностью возникают потребности в более качественном конструировании конкретных уголовно-правовых предписаний.

Учитывая особую специфику деяний против половой свободы и неприкосновенности личности, а также тяжесть данных деяний и максимально-высоких пределов возможного уголовного наказания, уровень законодательной техники в определении преступности и наказуемости данного рода деяний, должен быть максимально высоким, на что, в частности, указывает Е.В. Михайлова [30, с. 45].

Исходя из логической последовательности расположения составов в вышеназванной главе 18 УК РФ, в качестве отправного, системообразующего признака специалисты выделяют «насильственный» и «ненасильственный» характер совершаемых преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности.

Исходя из данного критерия, деяния, относящиеся к категории половых преступлений, традиционно разделяют на:

- насильственные половые преступления (ст.ст. 131-133 УК РФ);
- ненасильственные половые преступления (ст.ст. 134, 135 УК РФ).

Тем не менее, в научных публикациях, посвящённых исследуемой проблематике, встречаются и иные классификации. В частности, А.М. Смирнов разделяет анализируемые деяния на две группы: «1) сопряженные с открытым сексуальным насилием над лицом любого пола и возраста (ст.ст. 131-133 УК РФ); 2) заключающиеся в грубом нарушении норм половой морали совершеннолетними лицами по отношению к лицам, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст.ст. 134, 135 УК РФ)» [59, с. 309].

Несмотря на используемые авторские обороты, индивидуализирующие данную классификацию, суть самой категоризации соответствует вышеназванному подходу, предполагающему разделение данного рода деяний на насильственные и не насильственные посягательства на половую свободу и половую неприкосновенность.

Все, предусмотренные указанной главой УК РФ деяния характеризуются повышенной общественной опасностью и предусматривают максимально суровые виды и размеры уголовных наказаний, что оправданно и имеет глубокие исторические корни.

Следует признать, что современный отечественный законодатель очертил достаточно узкий и, при этом, исчерпывающий перечень преступных посягательств на половую свободу и половую неприкосновенность личности, осознанно не включая в него деяния, имевшие на определённом этапе исторического развития характер преступных – например, мужеложство, предусматриваемое ст. 121 УК РСФСР 1960 г. [13], но утратившие подобное качество в следствии развития общественных отношений и их демократизации.

Специфика преступлений, посягающих на половую свободу и половую неприкосновенность в первую очередь проявляется в объекте преступного посягательства.

1.2 Половая свобода и половая неприкосновенность как объект уголовно-правовой охраны и объект преступлений

Объект преступления выступает в качестве базовой составляющей комплекса объективных признаков любого уголовно-наказуемого деяния. Таковым являются «те поставленные под охрану уголовного закона общественные отношения, против которых направлено преступление» [64, с. 93], ввиду чего объект преступления – обязательная составляющая всех без исключения составов преступлений, предусмотренных действующим УК РФ. Противоправные деяния против половой свободы и половой неприкосновенности в данном аспекте не являются исключением.

Как верно определяется в отечественной уголовно-правовой науке, основным объектом, применительно к составам изнасилования (ст. 131 УК РФ), насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ) и понуждения к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ) являются половая свобода и половая неприкосновенность.

Конкретизация объекта данных насильственных половых преступлений обуславливается возрастом потерпевшего лица. Если таковому исполнилось 16 лет – объект соответствующего деяния будет составлять половая свобода, поскольку с данного возраста берёт своё начало, так называемое, «сексуальное согласие», которое предполагает возможность субъекта по собственному разумению и на основе собственного волевого решения вступать (или не вступать) в интимные отношения. Данное право предполагает свободный выбор форм сексуального взаимодействия (не вступающих в противоречие с нормами действующего УК РФ), сексуальных партнёров и т.д.

Если же потерпевшему не исполнилось 16 лет, то применительно к нему объектом посягательства будет выступать половая неприкосновенность, понимаемая, как запрет на сексуальное взаимодействие лица, не достигшего возраста «сексуального согласия», с совершеннолетним лицом.

При этом, половая неприкосновенность распространяется не только на лиц, не достигших соответствующего возраста, но и на граждан, пребывающих в так называемом «беспомощном состоянии».

Применительно к деяниям, предусмотренным ст. 134 УК РФ «Половое сношения или иных действий сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста» и ст. 135 УК РФ «Развратные действия», основным объектом противоправного посягательства также будет выступать исключительно половая неприкосновенность потерпевшего, в силу направленности деяния на лиц, не достигших возраста «сексуального согласия». Ввиду половозрастной незрелости личности, выражающейся в неспособности в полной мере осознавать социально-нравственный характер сексуального взаимодействия, законодатель считает нецелесообразным учитывать волеизъявление лиц, не достигших 16 лет, при определении преступности поведения совершеннолетнего лица, вступающего в добровольную половую связь с таким субъектом.

Все обозначенные деяния объединены между собой именно объектом посягательства, что обуславливается специфической направленностью посягательств, отражаемой в предусмотренных законодателем объективных и субъективных признаков данных деяний.

Если с основным объектом посягательств вопросов в науке практически не возникает, то относительно дополнительных объектов высказываются разные мнения.

В частности, дополнительный объект посягательства отдельные специалисты также дифференцируют в зависимости от того, достиг ли потерпевший шестнадцатилетнего возраста: для лиц, старше 16 лет таковым выступает «здоровье потерпевшей (потерпевшего), её (его) честь и достоинство, деловая репутация» [66, с. 255]. Если посягательство совершается в отношении лиц, не достигших возраста 16 лет, то в качестве дополнительного объекта называют «нормальное физическое, психическое, нравственное, половое развитие несовершеннолетнего, которому может быть

причинён вред ранним началом половой жизни, вследствие недостаточного физиологического и социального развития» [65, с. 198].

Такой научный и нормативный подход соответствует исторически сложившимся стандартам, сформированным в цивилизованном обществе.

Возможно ли выделить предмет преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности? Следует поддержать авторов, которые считают, что «рассматриваемое деяние относится к категории так называемых беспредметных преступлений, ибо рассматривать человека в качестве предмета посягательства и с этической, и с нравственной, и с правовой точек зрения было бы глубоко ошибочно» [68, с. 121].

Потерпевшим от анализируемой группы преступлений, что является совершенно логичным, может выступать лишь физическое лицо любой половой принадлежности – исключение составляет лишь состав изнасилования (ст. 131 УК РФ), при котором посягательство может быть направлено лишь на лицо женского пола. Такой подход традиционен для регулирования вопросов ответственности за половые преступления в отечественном уголовном законодательстве.

Возможность лица мужского пола выступать в качестве потерпевшего по анализируемой группе преступлений не подвергается сомнению, несмотря на то, что в силу объективных и субъективных причин лица мужского пола (независимо от возраста) гораздо реже становятся потерпевшими при посягательствах на половую свободу и половую неприкосновенность.

Для определения объективной противоправности посягательства в отношении потерпевшего не имеет значения поведение потерпевшего, которое имело место в прошлом (например, оказание услуг интимного характера, беспорядочная сексуальная жизнь, занятие стриптизом и т.д.), а также наличие у посягающего каких-либо сложившихся до совершения преступления отношений с потерпевшей (потерпевшим), включая брачные отношения. Данные обстоятельства, безусловно, должны учитываться органом предварительного следствия для правильного выявления и

установления признаков преступления, но не способны влиять на квалификацию соответствующего деяния, при установлении обязательных признаков преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности.

Подобная точка зрения на озвученный вопрос выражается не только в отечественной науке и практике, но и за рубежом [78].

1.3 Общее и особенное в объективной стороне составов преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности

Важнейшее значение для квалификации анализируемой группы преступлений имеет её объективная сторона, понимаемая как реализуемое во вне поведение лица, преступающего уголовно-правовой запрет.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 131 УК РФ «Изнасилование» содержит два аспекта:

- совершаемый в традиционной форме половой контакт виновного (мужского пола) и потерпевшей (женского пола);
- насилие (или угрозу применения такового), а также использование беспомощного состояния потерпевшего лица.

Половой контакт в традиционной форме в диспозиции ст. 131 УК РФ, а также диспозициях ст. 133 и 134 УК РФ законодатель именуется «половым сношением». Данный оборот нуждается в правильном толковании ввиду того, что он не является юридическим, а был привнесён в уголовное законодательство из медицинской терминологии.

«В медицине под половым сношением понимается гетеросексуальный, физиологический акт, направленный на продолжение рода и заключающийся во введении мужского полового члена во влагалище женщины» [42, с. 122] – указывается в специализированной литературе. Синонимом такового выступает также «нормативный гетеросексуальный коитус» [62, с. 57].

Применительно к ст. 132 УК РФ, предусматривающей ответственность за насильственные действия сексуального характера, первый из обозначенных выше аспектов будет иным. Таковым будет выступать половой контакт виновного (любой половой принадлежности) и потерпевшего (любой половой принадлежности) в нетрадиционных сексуальных формах. Нетрадиционными формами сексуального взаимодействия в уголовно-правовой науке и практике называют: мужеложство, лесбиянство, а также иные действия сексуального характера, что оставляет перечень таких действий открытым.

Отметим, что мужеложство и лесбиянство обозначены законодателем не только в ст. 132 УК РФ, но и в ч. 1 ст. 133 УК РФ, а также ч. 2 ст. 134 УК РФ.

Рассмотрим и проанализируем содержательную составляющую данных действий сексуального характера. Примечательно, что законодатель никак их не раскрывает в диспозициях соответствующих статей УК РФ.

«Мужеложство (мужской гомосексуализм, педерастия, содомия) – это осуществление полового сношения между мужчинами, осуществляемое посредством введения полового члена одного партнера в анальное отверстие (прямую кишку) другого партнера» [14, с. 226] – определяют специалисты.

Соответственно, при данной форме сексуального взаимодействия потерпевшим может выступать исключительно лицо мужского пола.

«Лесбиянство (женский гомосексуализм, сапфизм, трибадия) – это совершение разнообразных действий сексуального характера, направленных на удовлетворение половой страсти посредством физического контакта с половыми органами потерпевшей (имитация полового акта, контакты половых органов с другими частями тела, мастурбация и т.п.)» [5, с. 192] – указывают авторы.

Вполне очевидно, что при применении со стороны виновной гомосексуальных действий потерпевшей может быть, соответственно, только женщина.

Естественно, что и «мужеложство», и «лесбиянство» являются разновидностями гомосексуальных действий. Причём, если категория

«лесбиянство» включает в себя максимально возможный спектр интимных взаимодействий между лицами женского пола, то «мужеложство» сводится лишь к введению полового члена одного сексуального партнера в анальное отверстие другого сексуального партнера мужского пола. Иные формы гомосексуального взаимодействия между мужчинами уже будут относиться к категории «иные действия сексуального характера».

Тогда возникает резонный вопрос: для чего выделять в диспозициях составов половых преступлений мужеложство и лесбиянство? Это имело бы смысл лишь в том случае, если бы влияло на квалификацию деяния. Например, если бы акт мужеложства образовывал квалифицированный состав преступления, а акт лесбиянства такой состав не образовывал бы.

В этой связи стоит отказаться от данных терминов в пользу термина «гомосексуальные действия». Данный оборот более лаконичен и при этом содержательно включает в себя весь спектр действий сексуального характера между лицами одного пола.

Таким образом, категории «мужеложство» и «лесбиянство» следует заменить в диспозициях всех составов преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности, где они упомянуты законодателем, на оборот «гомосексуальные действия».

Как уже было отмечено ранее, в современных реалиях, в отличие от советского периода, законодатель не считает противоправными ненасильственные гомосексуальные действия между лицами, достигшими возраста «сексуального согласия».

Примечательно, что к ответственности за гомосексуализм привлекались исключительно лица мужского пола, так как соответствующий состав преступления не предполагал уголовное преследование за половой контакт между женщинами.

Современный отечественный законодатель отошёл от такой политики, критикуемой как в отечественной, так и в зарубежной науке [79].

«Иные действия сексуального характера», обозначенные законодателем в диспозициях ст. 132 и 133 УК РФ, содержательно включают в себя весь спектр возможных способов интимного взаимодействия между людьми, за исключением полового сношения и гомосексуальных действий в виде мужеложства и лесбиянства, упоминаемых отдельно.

В содержание категории иных действий сексуального характера можно включать разнообразные по своим проявлениям формы сексуального взаимодействия между лицами разных полов, включая анальные и оральные проникновения.

Парадоксально, что и наука и правоприменение считает относящимся к категории «иные действия сексуального характера» и половое сношение (в том случае, когда виновный – лицо женского пола, применяющее насилие к мужчине-потерпевшему).

Концептуальный подход, укоренившийся в науке и практике, не позволяет квалифицировать такие противоправные действия как изнасилование, привлекая виновную к ответственности по ст. 131 УК РФ. Подобный насильственный половой акт квалифицируется как насильственные действия сексуального характера по ст. 132 УК РФ.

«Отсутствие одного из указанных действий объективной стороны означает отсутствие состава изнасилования, или насильственных действий сексуального характера или при наличии к тому оснований действия лица могут быть квалифицированы по ст. 133 или 134 УК РФ» [17, с. 216] – отмечается в комментариях.

Как уже было отмечено выше, второй составляющей объективной стороны изнасилования (ст. 131 УК РФ) и насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ) выступает насилие, или угроза его применения.

С какого момента совершение изнасилования или осуществление насильственных действий сексуального характера образуют оконченное преступление? Как представляется, если субъект преступления применило

насилие (или высказало намерение его применить), желая таким образом обеспечить беспрепятственное половое сношение (или осуществление иных действий сексуальной направленности) с потерпевшим, однако само сексуальное взаимодействие физически не состоялось (преступный результат не был реализован по независящим от субъекта данного противоправного деяния причинам), то имеет место покушение на половое преступление, предусмотренное ст. 131 или ст. 132 УК РФ, в зависимости от пола виновного и потерпевшего, комплекса предпринимаемых или предполагаемых действий и т.д.

Однако, как отмечает Пленум Верховного Суда РФ в актуальном Постановлении от 04.12.2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»: «Если лицо осознавало возможность доведения преступных действий до конца, но добровольно и окончательно отказалось от совершения изнасилования или насильственных действий сексуального характера (но не вследствие причин, возникших помимо его воли), содеянное им независимо от мотивов отказа квалифицируется по фактически совершенным действиям при условии, что они содержат состав иного преступления. Отказ от совершения изнасилования и насильственных действий сексуального характера возможен как на стадии приготовления к преступлению, так и на стадии покушения на него» [46].

Оконченными данные насильственные преступления против половой свободы и неприкосновенности личности будут с момента инициации физических действий интимного содержания, реализуемых субъектом преступления.

Совершение виновным, наряду с половым сношением, каких-либо других насильственных действий интимного свойства нельзя включать в содержание изнасилования.

«Если виновным было совершено в любой последовательности изнасилование и насильственные действия сексуального характера в

отношении одной и той же потерпевшей, содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 131 и 132 УК РФ, независимо от того, был ли разрыв во времени между изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера» (п. 9) – отмечается в вышеназванном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 16.

Что входит в содержание физического насилия со стороны виновного, применительно к диспозициям ст.ст. 131 и 132 УК РФ? Насилие в данном аспекте имеет физическую природу и реализуется в форме побоев, причинения болезненных ощущений жертве, физическое лишение возможности оказать активное сопротивление или избежать сексуального контакта (удержание, сковывание или связывание и т.д.).

В данном ключе отметим, что насилие, направленное на достижение преступного результата может реализовываться субъектом не только в отношении потерпевшего, но и любых других индивидов с целью достижения преступного результата в виде вступления в интимную связь с жертвой. В частности, насилие может осуществляться в отношении родственников или иных близких лиц жертвы.

Причинение лёгкого или средней тяжести вреда здоровью в качестве побочного результата применения физического принуждения к действиям сексуального характера не требует дополнительной квалификации по соответствующим статьям особенной части УК РФ, предусматривающим ответственность за преступления против здоровья личности. Также не требуется дополнительная квалификация по ст. 116 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за нанесение побоев.

Что же касается угрозы применения насилия – то таковая понимается как намерение незамедлительного применения физического насилия, выраженное словами, жестами или иными действиями, воспринимаемое потерпевшим как реально осуществимое.

Такая угроза применительно к анализируемой группе противоправных деяний имеет своей целью преодоление сопротивления вступлению в половую связь виновного с потерпевшим.

Критерий незамедлительности, упомянутый выше, очень важен, поскольку его отсутствие не позволяет воспринимать угрозу применения насилия, как составляющую объективной стороны половых преступлений. То есть, речь идёт об угрозе реализации насилия в будущем, через какое-то время.

При этом, содержание угрозы, как признака составов преступлений, предусмотренных ст. 131 или ст. 132 УК РФ, должно составлять намерение применения насилия. Иные угрозы – например, распространения порочащей честь и достоинство информации о потерпевшем лице, могут характеризовать объективную сторону понуждения к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ), но к составу изнасилования или насильственных действий сексуального характера не применимы.

В отношении ст. 133 УК РФ, как раз, насилие или угроза его применения отсутствуют, а имеет место, как составообразующий аспект, ненасильственное понуждение к действиям сексуальной направленности, или использование зависимого положения потерпевшего, призванные принудить данное лицо к сексуальному контакту с субъектом преступления вопреки волевому решению потерпевшего.

Данный содержательный критерий выделяет понуждение к действиям сексуального характера в ряду половых преступлений в качестве отдельного противоправного деяния. Рассмотрим элементы объективной стороны данного преступления подробнее.

Что касается зависимого положения потерпевшего лица, то данная зависимость может иметь место в отношении виновного, а также иных лиц. По этой причине, как пишет О. Борисова, «возможно понуждение со стороны субъекта, от которого потерпевший непосредственно не зависим, но субъект знает о состоянии зависимости и использует его (например, является другом лица, которому потерпевший подчинен по работе)» [7, с. 27].

Применительно к анализируемому составу преступления данный авторский вывод видится правильным.

В вопросе о природе зависимости, высказывается мнение о том, что таковая не обязательно может иметь законный характер (например, зависимость по службе в отношении руководителя организации), но и быть противоправной и даже уголовно наказуемой. А.И. Арестов называет, в частности, «зависимость в преступной группировке от ее руководителя» [3, с. 59].

«Использование зависимости потерпевшего должно выражаться в угрозе, хотя при применении данного способа угроза скорее может быть завуалированной: субъект может говорить о своих полномочиях, о различных трудностях для потерпевшего в учебе или работе. Такое понуждение чаще всего происходит в рабочем помещении в течение рабочего дня, что предполагает псевдоделовой характер общения. Угроза может сопровождаться и физическими действиями: прикосновениями, поцелуями и т.п. Поэтому вывод об использовании зависимости делается с учетом всей совокупности объективных обстоятельств содеянного» [44, с. 15] – отмечают исследователи.

В большинстве случаев, конечно же, понуждение к действиям сексуального характера имеет место в контексте работы (в отношении непосредственного руководства), или в контексте прохождения обучения в образовательной организации (применительно к преподавателю или лицу, выполняющему административные функции, связанные с обучением).

«Понуждение означает давление на психику потерпевшего с целью ограничить его половую свободу и подчинить его своему сексуальному желанию. Понуждение склоняет лицо к изменению его поведения, однако не исключает волевого выбора» [39, с. 10] – пишут в научных публикациях.

Подобное средство противоправного посягательства на половую свободу индивида, конечно же, обладает меньшей общественной опасностью, чем насилие (или угроза его применения). Однако, всё равно считается

законодателем разновидностью противоправного поведения, посягающего на свободу лица в интимной сфере.

При этом, оконченным преступление, предусмотренное ст. 133 УК РФ, будет с момента совершения понуждения в форме шантажа, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества либо с использованием материальной или иной зависимости потерпевшего. Результат в виде вступления в интимную связь потерпевшего с виновным не требуется для квалификации деяния, как оконченного противоправного посягательства в рамках состава ст. 133 УК РФ.

Виновный, вынуждает потерпевшего совершить половой акт по принуждению путём условного выбора между альтернативными негативными последствиями, которые О. Борисова определяет, как: «совершение действия сексуального характера или ущемление какого-либо интереса вследствие реализации угрозы» [7, с. 28].

«Угроза уничтожением, повреждением или изъятием имущества может касаться любого имущества, поскольку в ст. 133 УК РФ не говорится, что оно должно быть чужим. За исключением угрозы изъятием имущества, угроза может относиться и к собственному имуществу виновного или имуществу, находящемуся в общей собственности его и потерпевшего. Полагаем, что изъятие как содержание угрозы должно пониматься широко, включая удержание имущества, полученного ранее правомерно или неправомерно (например, виновный изымает вещи или документы потерпевшей и в качестве условия их возврата требует вступить с ним в половое сношение)» [22, с. 216] – пишет Н.Н. Коновалов.

Далее проанализируем признаки объективной стороны таких деяний, как половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст. 134 УК РФ) и развратные действия (ст. 135 УК РФ).

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ включает в себя половое сношение или гомосексуальные действия в виде

мужеложства либо лесбиянства, осуществляемое совершеннолетним лицом в отношении потерпевшего, не достигшего возраста 16 лет, без применения насилия или понуждения – на свободной добровольной основе.

Другими словами, диспозиция данного состава преступления не предполагает применение насилия или угрозы такового, а также не сопряжена с понуждением к действиям сексуального характера. В данном аспекте рассматриваемый состав преступления разграничивается с иными половыми преступлениями.

Потерпевший, применительно к анализируемому составу, вступает в сексуальные отношения с виновным осознанно, понимая значение данного акта. В противном случае, будет иметь место беспомощное состояние потерпевшего (порок его воли) и ответственность виновного будет наступать не по ст. 134 УК РФ, а по иному составу преступления – предусмотренному ст. 131 или ст. 132 УК РФ, в зависимости от обстоятельств деяния.

Не только в России, но и в подавляющем большинстве зарубежных государств установлена ответственность за сексуальные связи с лицами, не достигшими минимально допустимого, с точки зрения законодателя, возраста.

Но что лежит в основе определения той возрастной границы, ниже которой естественная по своей природе интимная связь становится преступлением, влекущим уголовную ответственность и наказание за содеянное?

С точки зрения уголовного права, а также смежных наук (психологии, медицины и т.д.) определение данной возрастной границы представляется очень сложным и неоднозначным.

Данный возрастной рубеж, преодолев который лицо получает возможность вступать в сексуальные отношения с кем угодно по своему разумению, в науке называют «возраст согласия», или «возраст сексуального согласия».

Как указывается специалистами, «во многих странах подходы к установлению возраста согласия определяются комплексом культурных,

религиозных, этических, медицинских, социальных и политических факторов. Во многих обществах, в том числе и в нашем, социальные нормы полового поведения в настоящий момент находятся в стадии активной трансформации. Этот процесс отражается в постоянных колебаниях законодателя между более либеральным и более консервативным подходами» [16, с. 197].

Возраст такого согласия за рубежом устанавливается в достаточно широком диапазоне: от 12 лет (Испания, Мексика, Нидерланды и т.д.) до 21 года (Мадагаскар), что говорит о том, что в определении данной возрастной границы нет единообразия.

Подход же законодателя в указанном вопросе продиктован социокультурными и морально-этическими представлениями, существующими в конкретных условиях. Именно поэтому в разных государствах и в разных культурах понимание допустимости интимного контакта по возрастному критерию лишено однозначности.

В Российской Федерации половая неприкосновенность определяется законодателем в отношении лиц, которым не исполнилось 16 лет, что соответствует наиболее общей возрастной границе возраста «сексуального согласия», применяемой в зарубежных правовых порядках.

Тем не менее, в отдельных публикациях звучат предложения снизить установленную в действующем уголовном законодательстве возрастную границу «с 16 лет до более раннего возраста» [10, с. 77].

Примечательно, что данные корректировки уже имели место в существующем регулировании. Установленный изначально в ст. 134 УК РФ возраст сексуального согласия 16 лет, в 1998 г. он был изменён и стал составлять 14 лет, однако, в дальнейшем (в 2003 г.) вновь претерпел изменение и вернулся к изначальному – 16 лет. Похоже, что законодатель не до конца уверен в обоснованности избираемого для нормативного закрепления возраста, раз проявляет такую непоследовательность.

Неоднозначность подходов в решении данной проблемы предопределяется развитием общественных отношений, стремительной

акселерацией подростков, развитием информационных процессов и социальных процессов, влекущим продолжаемую в общественном сознании либерализацию взглядов на интимные отношения. Но с другой стороны, широта взглядов на пределы допустимого в сексуальной сфере, всегда выступающей центром сосредоточения запретов и «табу», обусловила обострение противоречий в обществе, что обусловило реформирование норм российского уголовного законодательства, регламентирующего ответственность за половые преступления, в направлении противодействия, так называемой, педофилии.

Ужесточение санкций за соответствующие деяния, видоизменения диспозиций отдельных составов половых преступлений – лишь часть предпринятой и реализованной законодателем работы в данном ключе, инициированной ещё десятилетие назад.

С точки зрения объективной стороны, деяние, ответственность за которое предусматривается в ст. 135 УК РФ, состоит в реализации ненасильственных по своему характеру и своей природе развратных действий в отношении лица, которому не исполнилось 16 лет.

Определяя сердцевиной анализируемого состава преступления категорию «развратные действия», законодатель не раскрывает её содержание в ст. 135 УК РФ, что вызывает необходимость научного толкования используемой дефиниции.

Как указывает А.В. Агафонов, «развратные действия – это специфический поведенческий акт ненасильственной природы, который имеет узкую направленность на осуществление удовлетворения половой страсти виновного лица, или же возбуждение полового инстинкта у потерпевшего, который не достиг 16-тилетнего возраста» [2, с. 261].

В ряде научных работ развратные действия категоризируют в зависимости от их специфического объективного характера реализации в виде «наличия или отсутствия манипуляций с телом потерпевшего, виновного или

третьего присутствующего лица» [9], [12], [33] на развратные действия физические и интеллектуальные.

«К физическим развратным действиям принято относить непристойные прикосновения, манипуляции с половыми органами потерпевшего, третьего лица в присутствии потерпевшего, демонстрацию виновным собственных половых органов и т.д.» [41, с. 63] – пишут отдельные авторы.

Что касается, так называемых, интеллектуальных действий, то под таковыми применительно к анализируемому составу, понимаются устные беседы, имеющие своей целью побудить несовершеннолетнего вступить в интимную связь с виновным, или другим лицом; просмотр порнографических фильмов, фотоизображений порнографического содержания, не имеющих художественной, культурной и (или) исторической ценности и т.д.

Такой подход в разграничении развратных действий далёк от идеала как с точки зрения теории, так и с позиции правоприменения.

«Ориентация на наличие или отсутствие манипуляций с телом потерпевшего, виновного или третьего присутствующего лица привела к разграничению таких одинаково вредных для развития ребенка действий, как: а) демонстрация ему порнографических материалов или предметов и б) действия сексуального характера в его присутствии. Указанные деяния в равной степени наносят вред психическому и нравственному развитию несовершеннолетнего, поэтому их размежевание с практической и правовой точки зрения нецелесообразно. Кроме того, в отдельных случаях стирается классификационный критерий. К примеру, усилия виновного по склонению несовершеннолетнего к сексуальному контакту с третьим лицом являются интеллектуальными развратными действиями, в то время как совершившийся с подачи виновного контакт потерпевшего и третьего лица признается физическим воплощением развратных действий» [6, с. 4] – отмечают авторы.

Более непротиворечивой и содержательной видится иная классификация развратных действий, позволяющая разграничить таковые более чётко, избегая пробельности и пересечения выделяемых разновидностей. В рамках

такой классификации развратные действия можно условно разделить на контактные и бесконтактные.

Подобное классифицирование развратных действий связано с: «зависимостью наступления разных по степени опасности последствий для несовершеннолетнего от способа воздействия и позволяет в случае необходимости разграничить иные действия сексуального характера (контактные формы развратных действий) и собственно развратные действия (бесконтактные формы развратных действий)» [34, с. 5].

Контактная форма противоправных действий, реализуемых виновным в совершении деяния, предусмотренного ст. 135 УК РФ, сопряжена с непосредственным телесным (физическим) контактом виновного с потерпевшим, не достигшим возраста 16 лет и, в соответствии с правовой позицией Пленума Верховного Суда РФ, «направлены на удовлетворение сексуального влечения виновного, или на вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего лица, или на пробуждение у него интереса к сексуальным отношениям» (п. 17 Постановления № 16).

Подобные физические манипуляции, реализуются субъектом противоправного посягательства различными способами – как связанными с проникновениями в тело потерпевшего (анальным или оральным способом, путём введения посторонних предметов анальным или вагинальным путём, в ротовую полость и т.д.), так и без такового (поверхностный тактильный контакт виновного с интимными зонами тела потерпевшего). Оба способа контактных развратных действий (с проникновением и без такового) объединяет наличие непосредственного физического взаимодействия между субъектом преступления и потерпевшим. Также важно, что контактное взаимодействие не включает в себя половое сношение, иначе квалификации такое деяние будет подлежать по иному составу преступления – ст. 134 УК РФ.

Следует отметить наличие определённого разночтения в наименовании ст. 134 УК РФ. Исходя из имеющейся формулировки можно подумать, что в

рамках указанного состава преступления наступает ответственность как за половое сношение с лицом, не достигшим возраста 16 лет, так и за совершение в отношении него любых других действий сексуального характера. Но диспозиция указанной нормы говорит о другом: ответственность по ч. 1 ст. 134 УК РФ наступает лишь когда имеет место половое сношение в традиционной форме, а по ч. 2 ст. 134 УК РФ – когда имеет место гомосексуальный половой контакт (мужеложство или лесбиянство). Квалифицировать же иные разновидности сексуального взаимодействия с лицом, не достигшим возраста сексуального согласия надлежит уже по ст. 135 УК РФ, относя таковые к числу контактных развратных действий, связанных с проникновением в тело.

«Действиями, связанными с проникновением в тело, являются оральный секс, анальный секс между лицами мужского и женского пола, а также секс с введением во влагалище или анальное отверстие частей тела, за исключением полового члена, или различных предметов (например, специальных фаллоимитирующих приспособлений)» [56, с. 89] – пишет Р.Р. Сафиуллин.

Распространённым и, можно так сказать, «типичными» примерами развратных действий, сопряжённых с проникновением, являются анальные и оральные сексуальные действия, что подтверждается судебной практикой. Так, приговором Магаданского городского суда установлено, что «Д., в силу соседских отношений достоверно зная, что М. не достигла четырнадцатилетнего возраста, действуя с целью удовлетворения своей половой потребности, ввел свой половой член в рот потерпевшей М., чем совершил в отношении последней развратные действия» [50].

Парадоксально, но по какой-то непонятной причине гомосексуальный анальный контакт между виновным и потерпевшим квалифицируются по ч. 2 ст. 134 УК РФ, а аналогичный по своей физической составляющей сексуальный акт между виновным мужчиной и потерпевшей подлежит квалификации как развратное действие по иному составу преступления – по ст. 135 УК РФ. Подтверждает сказанное и судебная практика.

Так, приговором Истринского городского суда установлено, что «К., пользуясь отсутствием других людей, при добровольном согласии Г. на совершение в отношении ее развратных действий многократно совершал развратные действия без применения насилия в отношении ее, а именно вводил свой половой член в заднепроходное отверстие Г.» [49].

Иные контактные развратные действия, не связанные с проникновениями, учёные определяют также довольно разнообразно, относя к их числу «не связанные с телесными проникновениями, прикосновения, имеющие выраженную сексуальную направленность, поцелуи, оральные ласки и широкий спектр суррогатных видов интимного взаимодействия» [6, с. 7].

К сексуальным прикосновениям может быть отнесён и «и поверхностный петтинг, заключающийся в форсировании поцелуев и объятий до получения оргазма, или глубокий петтинг, который предполагает воздействие рукой на половые органы или заднепроходное отверстие партнера» [11, с. 71].

Однако, мнение о включении в число развратных действий поцелуев между виновным и потерпевшим является довольно спорным.

«Приговором Сергиево-Посадского городского суда установлено, что Л., имея умысел на совершение развратных действий в отношении М., подозвал последнюю и прижал к себе левой рукой. Продолжая свои действия, Л. приспустил сзади шорты и трусы М., засунул руку ей в трусы и стал трогать её половые органы и задний проход, чем совершил развратные действия» [52].

Распространённой разновидностью контактных развратных действий является оральная стимуляция.

«Под оральными ласками подразумевается вид беспенетрационного секса, при котором воздействие на гениталии или заднепроходное отверстие осуществляется губами и языком. Распространёнными примерами таких сексуальных действий являются куннилингус (оральная стимуляция вульвы, т.е. клитора, малых половых губ, преддверия и входа во влагалище) и

анилингус (оральная стимуляция ануса)» [80] – пишут зарубежные специалисты.

«Приговором Останкинского районного суда Ч. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ. По делу установлено, что Ч. взял рукой малолетнюю Л. за плечо и положил ее на спину, после чего второй рукой приспустил находившиеся на ней трусики и во исполнение своего преступного умысла, склонившись над половыми органами малолетней Л., стал их лизать своим языком и целовать, производя действия, способные вызвать половое возбуждение у Л.» [51] – указывается в материалах судебной практики.

В любом случае – как при контактных развратных действиях, связанных с проникновением в тело, так и не связанных с таковым, речь идёт о физическом, реальном, контактном взаимодействии виновного и потерпевшего лица, находящихся в непосредственной близости, обеспечивающей возможность такого взаимодействия.

Развратные действия в бесконтактной форме диаметрально отличаются от контактных развратных действий отсутствием в характеристике таких действий телесной физической составляющей. Вполне закономерно, что при удовлетворении половой страсти виновного в бесконтактной форме, телесное взаимодействие отсутствует, хотя виновный и потерпевшее лицо могут при этом находиться в непосредственной близости (например, в одной комнате).

Виновный не осуществляет физический контакта с потерпевшим для того, чтобы удовлетворить свои сексуальные потребности, а производит это иным образом: осуществляя сексуальных манипуляций в присутствии жертвы (мастурбация); воспроизводя порнографический фильм, показывая порнографические фотоснимки, ведя возбуждающие сексуальное желание несовершеннолетнего беседы и т.д.

«Деяние подпадает под признаки состава преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ, только в случае, если виновный намеренно совершает сексуальные действия (мастурбация, половое сношение,

мужеложство и т.д.) в условиях, позволяющих потерпевшему оценить характер и значение указанных действий» [41, с. 64] – пишет Ю.А. Островецкая.

Склонять потерпевшего к сексуальному контакту, в рамках совершения ненасильственных развратных действий, виновный может разнообразными способами – посредством возбуждения сексуального желания у потерпевшего, путём уговоров, обещаний, предложения финансовой поддержки за вступление в сексуальную связь и т.д.

Объективную сторону деяния, предусмотренного ст. 135 УК РФ, образует сам факт осуществления склонения, независимо от формы. Соответственно, преступление признаётся оконченным с момента совершения склонения виновным потерпевшего к совершению интимных манипуляций с ним.

«И. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ. По делу установлено, что И., будучи в нетрезвом состоянии, предложил несовершеннолетнему Ш., заведомо зная, что тот не достиг четырнадцатилетнего возраста, вступить с ним за плату в половую связь» [54] – указывается в одном из приговоров Сергиево-Посадского федерального районного.

Достаточно распространённым в практике примером бесконтактных развратных действий является демонстрация виновным несовершеннолетнему потерпевшему порнографической фото или видео продукции на различных информационных носителях.

«Приговором Сергиево-Посадского городского суда Е. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 135 УК РФ. По делу установлено, что Е. демонстрировал малолетнему Л. на своем ноутбуке фильм, имеющий сексуально-развратное содержание» [53].

Изображением, имеющим порнографический характер, в судебной практике считается не только фото. Натуралистичность и детализированность изображения, демонстрируемого потерпевшему при бесконтактной форме

развратных действий, может быть посредственной, но обусловить привлечение к уголовной ответственности по ст. 135 УК РФ.

«Приговором Шпаковского районного суда Ставропольского края С.М.В. признан виновным в совершении 23 эпизодов развратных действий. По одному из эпизодов установлено, что С.М.В. без применения насилия совершил в отношении Г.Ю.Г., Л.М.Г., В.А.Ю. и К.А.С. развратные действия, выразившиеся в передаче им исполненного своей рукой рисунка с изображением мужчины и женщины, совершающих половые акты в извращенной форме, с изображением самих половых органов и пояснительными надписями нецензурными словами сексуального содержания» [55] – отмечается в судебной практике.

Сложной, в плане уголовно-правовой квалификации, формой бесконтактных развратных действий являются развратные действия коммуникативного свойства – беседы сексуальной направленности виновного с потерпевшим.

Для квалификации таковой беседы как развратной и влекущей ответственность, необходимо достоверно установить, что беседа на сексуальную тему имела противоправную, социально осуждаемую направленность – в частности, если лицо получало сексуальное удовлетворение от подобного диалога.

Речевое взаимодействие с подростком на сексуальные темы в образовательных и культурных целях, а также целях, связанных с профилактикой ранней беременности и т.д. не имеют противоправного характера и не влекут ответственность, являясь наоборот – социально полезными.

Бесконтактные развратные действия, не требуя физической близости с потерпевшим, могут в современных реалиях успешно реализовываться дистанционно – например, посредством сети Интернет (в мессенджере, или социальной сети). С использованием видеокамеры и микрофона,

позволяющих осуществлять коммуникативное взаимодействие дистанционно в режиме реального времени.

«Современные технологии позволяют злоумышленнику дистанционно связаться с любым несовершеннолетним, обладающим компьютером или мобильным устройством, имеющим необходимое программное обеспечение, и осуществить тем самым развратные действия в отношении его: продемонстрировать материалы эротического и порнографического содержания, продемонстрировать свои половые органы, завязать разговор на эротическую тему и так далее» [61, с. 97] – пишут по данному вопросу С. Тасаков и Р. Кочетов.

Данное обстоятельство, во многом, «подстегнуло» активность законодателя в вопросе совершенствования нормативного регулирования вопросов ответственности за половые преступления в отношении несовершеннолетних.

Таким образом, по итогам первой главы исследования можно сформулировать следующие выводы.

Все обозначенные деяния, посягающие на половую свободу и половую неприкосновенность объединены между собой именно объектом посягательства, что обуславливается специфической направленностью посягательств, отражаемой в предусмотренных законодателем объективных и субъективных признаков данных деяний.

Объективные признаки деяний, посягающих на половую свободу и неприкосновенности обозначены в диспозициях соответствующих норм, входящих в содержание главы 18 УК РФ.

Вызывает вопрос необходимость отдельно выделять в составах половых преступлений мужеложство и лесбиянство. Очевидно, что и мужеложство, и лесбиянство являются разновидностями гомосексуальных действий. Причём, если категория «лесбиянство» включает в себя максимально возможный спектр интимных взаимодействий между лицами женского пола, то «мужеложство» сводится лишь к введению полового члена одного

сексуального партнера в анальное отверстие другого сексуального партнера мужского пола. Иные формы гомосексуального взаимодействия между мужчинами уже будут относиться к категории «иные действия сексуального характера».

Включение вышеназванных категорий в диспозиции составов половых преступлений имело бы смысл лишь в том случае, если бы влияло на квалификацию деяния. В этой связи стоит отказаться от данных терминов в пользу термина «гомосексуальные действия». Данный оборот более лаконичен и при этом содержательно включает в себя весь спектр действий сексуального характера между лицами одного пола.

Таким образом, категории «мужеложство» и «лесбиянство» следует заменить в диспозициях всех составов преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности, где они упомянуты законодателем, на оборот «гомосексуальные действия».

В России, а также в подавляющем большинстве зарубежных государств предусмотрена уголовная ответственность за сексуальные отношения с лицом, не достигшим минимально допустимого, с точки зрения законодателя, возраста.

С точки зрения теории уголовного права, а также смежных наук (психологии, медицины и т.д.) определение данной возрастной границы представляется очень сложным и неоднозначным.

Данный возрастной рубеж, преодолев который лицо получает возможность вступать в сексуальные отношения с кем угодно по своему разумению, в науке называют «возраст согласия», или «возраст сексуального согласия».

Подход же законодателя в указанном вопросе продиктован социокультурными и морально-этическими представлениями, существующими в конкретных условиях. Именно поэтому в разных государствах и в разных культурах понимание допустимости интимного контакта по возрастному критерию лишено однозначности.

В Российской Федерации половая неприкосновенность определяется законодателем в отношении лиц, которым не исполнилось 16 лет, что соответствует наиболее общей возрастной границе.

Много вопросов возникает с толкованием понятия «развратные действия» и их категоризацией. Наиболее содержательной и отвечающей задачам правоприменения, является разделение развратных действий на контактные, реализуемые посредством физических манипуляций виновного с потерпевшим, включая прикосновения к телу и проникновения в тело, и бесконтактные, реализуемые опосредованно – через речевое, текстуальное, аудиовизуальное и иное коммуникативное взаимодействие – без телесного взаимодействия.

Далее уделим внимание анализу субъективных признаков половых преступлений, закреплённых в главе 18 УК РФ.

Глава 2 Субъективные признаки составов преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности и их влияние на квалификацию

2.1 Проблемы квалификации преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности по признакам субъективной стороны их составов

Субъективная сторона любого противоправного посягательства – это сфера внутренних интеллектуально-волевых и эмоционально-психических аспектов деяния, имеющая место относительно субъекта преступления и характеризующая его действия (бездействие) как преступное. Безусловно, отсутствие обязательных признаков субъективной стороны влечёт отсутствие состава преступления и невозможность привлечения лица к ответственности. Нет вины, как ключевого элемента субъективной стороны посягательства – нет уголовной ответственности.

Любое преступление против половой свободы и половой неприкосновенности совершается лишь с прямым умыслом.

«Преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления» (ч. 2 ст. 25 УК РФ).

Таким образом, вина, применительно к анализируемым деяниям, закономерно, имеет место только в форме прямого умысла – невозможно совершить сексуальное преступление с косвенным умыслом, либо по неосторожности (по небрежности). Виновный всегда осознаёт, что посягает на половую свободу или половую неприкосновенность лица, действуя вразрез с волей и желаниями потерпевшего.

Как в своё время писал А.А. Пионтковский, «все преступления, в состав которых введён элемент сознательности преступных действий, исключает возможность их неосторожного совершения» [43, с. 346].

Совершая насильственные сексуальные преступления, предусмотренные ст. 131 или 132 УК РФ, посягающий должен достоверно понимать, что совершает с жертвой преступления не добровольный, а насильственный сексуальный акт, используя для достижения своего противоправного замысла насилие, или угрозу его осуществления для достижения преступного результата.

Виновный, действуя именно с прямым умыслом, желает совершения насильственного полового контакта, что отражает направленность умысла на совершение преступлений, предусмотренных ст. 131 и ст. 132 УК РФ.

Относительно понуждения к действиям сексуального характера в сферу осознания субъекта преступления должно входить осуществление понуждения потерпевшего к интимной связи, что определяется диспозицией ст. 133 УК РФ. Помимо того, что он осознаёт противоправный характер своих действий, он желает наступление преступного результата осуществляемого понуждения в виде сексуального контакта с потерпевшим лицом.

Лицо, виновное в совершении преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ, должно субъективно осознавать, что вступает в сексуальную связь с подростком, не достигшим возраста сексуального согласия и желает этого.

Конкретизация возрастной границы, о которой идёт речь, в соотношении с конструкцией ст. 134 УК РФ, приводит к выводу о наличии проблемы, имеющей непосредственное отношение к субъективной стороне обозначенного деяния.

Что если виновный заблуждается в определении возраста потерпевшего лица? Что если полагает, что несовершеннолетний достиг возраста сексуального согласия? В этой связи вопрос, имеющий ключевое значение для квалификации деяния по ст. 134 УК РФ, авторами ставится так: «входит ли

четкое представление о возрасте потерпевшего в содержание субъективной стороны?» [8, с. 72].

При этом, следует констатировать, что данный вопрос имеет значение не только для квалификации деяния по ст. 134 УК РФ, но и для квалификации любого другого полового преступления в отношении лица, которому не исполнилось 16 лет (соответствующие квалифицированные составы обозначены законодателем в отдельных частях ст.ст. 131, 132 и 133 УК РФ).

Подвергая реформированию нормы главы 18 УК РФ, законодатель по какой-то непонятной причине исключил признак «заведомости» в осознании виновным не достижения определённого возраста потерпевшим из диспозиций статей о половых преступлениях. По сути, отсутствие указания на заведомость для виновного соответствующего возраста потерпевшего позволяет подходить к квалификации деяния формально, исходя из фактического возраста жертвы, минуя необходимость доказывания факта субъективного осознания его виновным, как препятствующего законной половой связи. Такая ситуация не соответствует концептуальным подходам науки уголовного права и, фактически, указывает на объективное вменение.

Пленум Верховного Суда РФ в тексте Постановления № 16 высказался по данному вопросу достаточно конкретно: «Применяя закон об уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных статьями 131-135 УК РФ, в отношении несовершеннолетних, судам следует исходить из того, что квалификация преступлений по соответствующим признакам (к примеру, по пункту «а» части 3 статьи 131 УК РФ) возможна лишь в случаях, когда виновный знал или допускал, что потерпевшим является лицо, не достигшее восемнадцати лет или иного возраста, специально указанного в диспозиции статьи Особенной части УК РФ» (п. 22).

Фактически, Пленум Верховного Суда РФ в своём Постановлении, адресованном правоприменителю, корректирует несоответствующую научному подходу формулировку законодателя, однако, такое решение видится не вполне правильным с точки зрения законодательной техники –

указание на заведомость возраста потерпевшего должно быть обозначено в соответствующих диспозициях.

С точки зрения субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ, виновный осознаёт, что совершает развратные действия в отношении лица, не достигшего возраста 16 лет.

Развратность действий (слов, прикосновений, иных манипуляций и т.д.) – их несоответствие морально-нравственным представлениям, бытующим в обществе, о мере допустимого в отношении лица, не достигшего возраста 16 лет, должна осознаваться виновным и восприниматься соответствующим образом. Поскольку проведение беседы с несовершеннолетним об интимной сфере, направленной на профилактику ранней половой жизни, именно по субъективном критерию, не может быть квалифицировано как преступное при наличии всех остальных элементов преступления.

В п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 16 содержит одно из базовых концептуальных положений, констатируя, что «мотив совершения указанных преступлений (удовлетворение половой потребности, месть, национальная или религиозная ненависть, желание унижить потерпевшее лицо и т.п.) для квалификации содеянного значения не имеет» (п. 1 Постановления № 16).

Таким образом, в настоящий момент Пленум Верховного Суда РФ не сводит мотивацию преступного поведения в рамках совершения половых преступлений к сексуальному мотиву, что имело место в советском уголовном праве. Поведение субъекта противоправного посягательства, относительно рассматриваемого круга деяний, может быть полимотивированной. Наличие связи с удовлетворением сексуальной страсти виновного не обязательно, хотя и является превалирующим мотивом совершения данных деяний.

В Постановлении Пленума Верховного Суда от 15.06.2004 г. № 11 упомянутая позиция была обозначена в п. 1, где под иными действиями сексуального характера понималось «удовлетворение половой потребности другими способами...» [47].

Такого толкования придерживается современная отечественная судебная практика.

«Районным судом Еврейской автономной области установлено, что П. и В., действуя группой лиц, умышленно нанесли потерпевшему множественные удары, от полученных травм потерпевший скончался. Кроме того, П. в ходе избиения потерпевшего ввел ему в анальное отверстие морковь. Действия П. и В. были квалифицированы судом по ч. 4 ст. 111 УК РФ, по ч. 1 ст. 132 УК РФ подсудимый П. был оправдан. Суд ЕАО приговор оставил без изменения, указав, что по смыслу закона под насильственными действиями сексуального характера понимаются насильственные способы удовлетворения половых потребностей. Характер действий П. не свидетельствует, что они были направлены на удовлетворение половых потребностей, следовательно, эти безусловно насильственные действия в отношении потерпевшего не могут рассматриваться как сексуальные, что исключает их квалификацию по ст. 132 УК РФ» [4] – отмечается в судебной практике.

Рассматриваемый подход правоприменителя встречал критику в публикациях специалистов, ввиду того, что в подобных ситуациях «имеет место посягательство именно на половую свободу лица – его насилем или угрозой насилия принуждают участвовать в том, что в законе очень широко – и правильно! – определено как действия сексуального характера» [76, с. 17].

Соответственно, деяние следует квалифицировать по ст. 132 УК РФ.

Обозначенное Пленумом Верховного Суда РФ толкование должно положительно повлиять на практику судов основного звена.

«Вместе с тем концептуально изменив понимание мотива, Верховный Суд породил проблему отграничения преступлений против жизни и здоровья от преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы. Ранее правоприменитель такое отграничение проводил по наиболее апробированному (с позиций практики) и классическому (с позиций научных основ квалификации) пути, – мотиву и видовому объекту преступления. Указанный вопрос приобретает особую актуальность при квалификации

насильственных посягательств, внешне напоминающих сексуальный контакт («сексуальное» проникновение бутылками, палками и иными подручными предметами), где использование подручных предметов может свидетельствовать как о единственной цели сексуально унижить потерпевшего, так и о единственной цели причинить вред здоровью потерпевшего, вплоть до причинения смерти. Не раскрыв определение насильственных действий сексуального характера и исключив обязательный мотив преступления, Верховный Суд лишил правоприменителя существенных критериев, дающих возможность установить целевую направленность примененного насилия в случае проникающего контакта подручным предметом в половые органы или другие естественные полости человека» [29, с. 47] – пишет Д.А. Мелешко.

Думается, цели отграничения рассматриваемых преступлений продолжают отвечать такие критерии: «характер и локализация повреждений на теле жертвы, продолжительность насилия, наличие имитации сексуального действия, сопровождение насилия непристойными комментариями, предшествующее и последующее поведение виновного» [6, с. 11].

Какими же могут быть мотивы совершения половых преступлений?

Как отмечается специалистами, «мотивами могут быть месть и унижение человеческого достоинства потерпевшего» [20, с. 245].

Действительно, помимо традиционного сексуального мотива, связанного с удовлетворением половой страсти виновного, мотивация может предполагать потребность в достижении других значимых для субъекта преступления результатов. Причём, как правило, мотивы совершения данных преступлений являются низменными. Это может быть мотив мести, желание подвергнуть жертву позору с точки зрения социума и т.д. Также может иметь место корыстный мотив при совершении насильственного полового преступления по найму за материальное вознаграждение.

Можно также предположить, что совершение полового преступления может быть осуществлено и по мотиву политической, идеологической,

расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, хотя такой мотив будет являться не традиционным и довольно специфическим.

Несмотря на то, что специалисты утверждают, ориентируясь на диспозиции соответствующих составов деяний в УК РФ, что «для квалификации половых преступлений мотив и цель не имеют какого-либо принципиального значения» [1, с. 365] следует помнить, что это не совсем так. В приведённом примере мотив совершения полового преступления, связанный с политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненавистью или враждой, влияет на квалификацию деяния в силу того, что данный мотив, будучи закреплённым в ст. 63 УК РФ, является обстоятельством, отягчающим уголовное наказание.

Таким образом, к таким мотивам, по которым может, в принципе, быть совершено преступление против половой свободы и половой неприкосновенности относится «совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» (п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ) и «совершение преступления из мести за правомерные действия других лиц...» (п. «е.1» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

Соответственно, несмотря на отсутствие указания в ст.ст. 131-135 УК РФ на мотив, как обстоятельство, влияющее на квалификацию преступления, отдельные виды мотивов могут быть учтены судом в качестве обстоятельства, отягчающего наказание при вынесении решения.

2.2 Проблемы квалификации преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности по признакам их субъекта

Субъект преступления – необходимая составляющая любого состава уголовно-наказуемого деяния.

Как определяет авторский коллектив под редакцией профессора В.К. Дуюнова: «под субъектом преступления понимается физическое лицо, которое совершило запрещённое уголовным законом общественно опасное деяние и обладало при этом предусмотренными законом юридическими признаками» [64, с. 119].

Говорить о единстве подходов в определении субъектов всего спектра половых преступлений не приходится, поскольку субъекты отдельных преступлений анализируемой группы отличаются друг от друга по соответствующим признакам.

Например, субъект преступления, предусмотренного ст. 131 УК РФ является специальным, поскольку выходит за пределы представления об общем субъекте преступления.

Как отмечается авторами, специальным субъектом преступления признается: «лицо, которое помимо основных признаков субъекта преступления должно обладать еще и дополнительным признаком, указанным в диспозиции статьи Особенной части УК РФ» [67, с. 28].

Применительно к составу изнасилования, законодателем традиционно указана половая принадлежность субъекта противоправного деяния – таковым способен выступать лишь вменяемое лицо мужского пола, которое достигло на момент совершения преступления минимально установленного за указанное деяние возраста 14 лет.

Женщина не может являться непосредственным исполнителем такого деяния, поскольку в таком случае будет идти речь о насильственных действиях сексуального характера и ответственность наступит по ст. 132 УК РФ. Но в

рамках изнасилования, лицо женского пола может частично реализовывать объективную сторону деяния, будучи соисполнителем.

Типичным примером соисполнительства в изнасиловании может выступать применение насилия к потерпевшей, её удержание для обеспечения беспрепятственного совершения непосредственным исполнителем полового акта.

«В данных ситуациях имеет место выполнение части объективной стороны изнасилования, имеющей сложный, структурный характер, и пол виновного лица правового значения не имеет» [77, с. 235] – отмечается в публикациях.

Для определения субъекта преступления, предусмотренного ст. 132 УК РФ, половая принадлежность не имеет какого-либо значения. Возрастной критерий аналогичен ст. 131 УК РФ – 14 лет.

В квалифицированных составах половых преступлений, после внесения ряда изменений, включая изменения, внесённые Федеральным законом от 28.01.2022 г. № 3-ФЗ [72], законодателем предусмотрен отдельный субъект квалифицированных посягательств на половую неприкосновенность (п. «а» ч. 5 ст. 131 УК РФ, п. «а» ч. 5 ст. 132 УК РФ, ч. 6 ст. 134 УК РФ, ч. 5 ст. 135 УК РФ) – лицо, имеющее судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего.

Для правильной квалификации деяний по п. «а» ч. 5 ст. 131 УК РФ, п. «а» ч. 5 ст. 132 УК РФ, ч. 6 ст. 134 УК РФ, ч. 5 ст. 135 УК РФ правоприменителю необходимо учесть следующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ: «к имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего (часть 5 статьи 131 УК РФ, часть 5 статьи 132 УК РФ, часть 6 статьи 134 УК РФ, часть 5 статьи 135 УК РФ) относятся лица, имеющие непогашенную или не снятую в установленном порядке судимость за любое из совершенных в отношении несовершеннолетних преступлений, предусмотренных частями 3-5 статьи 131, частями 3-5 статьи 132, частью 2 статьи 133, статьями 134, 135 УК РФ. При

этом также учитываются судимости за указанные преступления, совершенные лицом в возрасте до восемнадцати лет» (п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 16).

Правильная квалификация в данном случае исключительно важна, поскольку максимальная ответственность за деяние, совершённое таким специальным субъектом, определена в виде пожизненного лишения свободы – максимально возможного по своей строгости уголовного наказания, применяемого на практике в Российской Федерации.

Субъектом понуждения к действиям сексуального характера может выступать вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет. Таковым может выступать как лицо мужского, так и лицо женского пола, что не влияет на квалификацию деяния. Соответственно, имеет место общий субъект преступления.

К субъекту преступлений, закреплённых в ст. 134 и ст. 135 УК РФ, посягающих на половую неприкосновенность, предъявляется одинаковое специальное нормативное требование: достижение виновным лицом к моменту совершения преступления возраста совершеннолетия (18 лет).

Это означает, что половое сношение или иные действия сексуального характера, включая развратные действия, совершаемые на добровольной основе между несовершеннолетними – например, между лицом, достигшим возраста 17 лет и достигшим возраста 13 лет) не являются преступными и влекущими уголовную ответственность. Законодатель не возводит такие в ранг преступления, хотя социум может считать такое поведение недопустимым и заслуживающим морального порицания.

В данном контексте следует упомянуть предложения отдельных авторов [26, с. 68] об исключении из диспозиции ст. 135 УК РФ указания на возраст виновного, что равносильно снижению возраста субъекта данного противоправного деяния до общего возраста субъекта преступления – 16 лет. С реализацией подобного предложения законодателю, как минимум, не следует торопиться. Подобная новация может привести к тому, что два

подростка 15 и 16 лет, не имеющие достаточного жизненного опыта могут, вступая в интимную связь по взаимному согласию, фактически реализовать объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ. При этом, подросток более старшего возраста (16 лет) станет виновным, а подросток более младшего возраста (15 лет) «автоматически» станет потерпевшим, даже если объективная разница в возрасте между ними будет несколько месяцев.

Создание подобных прецедентов не отвечает задачам уголовного права и образует излишнюю криминализацию. Это особенно важно в столь тонкой и неоднозначной сфере, как сфера интимных отношений.

Таким образом, по итогам второй главы исследования можно сформулировать следующие выводы.

Все обозначенные в вышеназванной главе преступления с точки зрения вины, как ключевого элемента объективной стороны деяния, закономерно, совершаются только с прямым умыслом – невозможно совершить сексуальное преступление с косвенным умыслом, либо по неосторожности (по небрежности).

Подвергая реформированию нормы главы 18 УК РФ, законодатель по какой-то непонятной причине исключил признак «заведомости» в осознании виновным не достижения определённого возраста потерпевшим из диспозиций статей о половых преступлениях.

По сути, отсутствие указания на заведомость для виновного соответствующего возраста потерпевшего позволяет подходить к квалификации деяния формально, исходя из фактического возраста жертвы, минуя необходимость доказывания факта субъективного осознания его виновным, как препятствующего законной половой связи. Такая ситуация не соответствует концептуальным подходам науки уголовного права и, фактически, указывает на объективное вменение.

Пленум Верховного Суда РФ в своём Постановлении, адресованном правоприменителю, корректирует несоответствующую научному подходу

формулировку законодателя, однако, такое решение видится не вполне правильным с точки зрения законодательной техники – указание на заведомость возраста потерпевшего должно быть обозначено в соответствующих диспозициях.

Говорить о единстве подходов в определении субъектов всего спектра половых преступлений не приходится, поскольку субъекты отдельных преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности отличаются друг от друга по соответствующим признакам.

Следует особо подчеркнуть, что применительно к деяниям, предусмотренным ст. 134 и 135 УК РФ, имеет место специальный субъект – лицо, достигшее совершеннолетия.

Это означает, что половое сношение или иные действия сексуального характера, включая развратные действия, совершаемые на добровольной основе между несовершеннолетними – например, между лицом, достигшим возраста 17 лет и достигшим возраста 13 лет) не являются преступными и влекущими уголовную ответственность. Законодатель не возводит таковые в ранг преступления, хотя социум может считать такое поведение недопустимым и заслуживающим морального порицания.

Глава 3 Проблемы совершенствования уголовно-правового регулирования и квалификации преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности в России

3.1 Проблемы совершенствования уголовно-правового регулирования и квалификации изнасилования, насильственных действий сексуального характера и понуждения к действиям сексуального характера

В настоящее время, следственная и судебная практика продолжает сталкиваться с многоплановыми сложностями квалификации половых преступлений. Особенно остро данные сложности проявляются в вопросах квалификации деяний насильственного характера (ст. 131 и ст. 132 УК РФ). Это связано с достаточно сложными конструкциями данных преступлением, а также наличием большого числа квалифицированных составов такого рода посягательств.

«Если при изнасиловании или совершении насильственных действий сексуального характера потерпевшему лицу был причинен легкий или средней тяжести вред здоровью, содеянное охватывается диспозициями статей 131 и 132 УК РФ; умышленное причинение тяжкого вреда его здоровью требует дополнительной квалификации по соответствующей части статьи 111 УК РФ. Действия лица, умышленно причинившего в процессе изнасилования или совершения насильственных действий сексуального характера тяжкий вред здоровью потерпевшего лица, что повлекло по неосторожности его смерть, при отсутствии других квалифицирующих признаков следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 131 или частью 1 статьи 132 УК РФ и частью 4 статьи 111 УК РФ» (п. 2 Постановления № 16).

Причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего лица не требует дополнительной квалификации, но всегда ли? На данный

вопрос следует дать отрицательный ответ. Причинение вышеназванных видов вреда здоровью охватывается категорией «насилие» в рамках реализации объективной стороны изнасилования или насильственных действий сексуального характера только когда насилие выступает средством совершения полового преступления. Это означает, что если вред здоровью причинён вне обозначенных рамок – например, уже после изнасилования из желания наказать жертву за ранее оказанное сопротивление, или за оскорбительные высказывания в адрес насильника, то в наличии будет совокупность преступлений, требующая дополнительную квалификацию и привлечение виновного к ответственности по двум самостоятельным составам преступлений: например, по ст. 131 и ст. 115 УК РФ. Аналогичным образом, виновный в изнасиловании подлежал бы привлечению к ответственности по дополнительному составу преступления в случае, если бы после насильственного полового акта, решил похитить драгоценности жертвы.

Приведём пример из судебной практики: «По делу Д. признано, что причинение вреда здоровью после совершения изнасилования квалифицируется как реальная совокупность преступлений, предусмотренных ст. 131 УК, и соответствующего преступления против личности» [35].

Как верно отмечается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 16: «Изнасилование и насильственные действия сексуального характера следует признавать совершенными с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица в тех случаях, когда оно в силу своего физического или психического состояния (слабоумие или другое психическое расстройство, физические недостатки, иное болезненное либо бессознательное состояние), возраста (малолетнее или престарелое лицо) или иных обстоятельств не могло понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному. При этом лицо, совершая изнасилование или насильственные действия сексуального характера, должно сознавать, что потерпевшее лицо находится в беспомощном состоянии. При квалификации изнасилования и

насильственных действий сексуального характера в отношении потерпевшего лица, которое находилось в состоянии опьянения, суды должны исходить из того, что беспомощным состоянием может быть признана лишь такая степень опьянения, вызванного употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих (психоактивных) веществ, которая лишала это лицо возможности понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному лицу. При этом не имеет значения, было ли потерпевшее лицо приведено в такое состояние виновным или находилось в беспомощном состоянии независимо от его действий» (п.п. 5-6).

«Г. была изнасилована С. при следующих обстоятельствах. Уйдя на дискотеку, она не пришла ночевать. Выпив большое количество спиртного на дискотеке, Г. в связи с провалом в памяти ничего не помнит. Когда она пришла домой, она была в грязной одежде в следах крови. Ее знакомый С. категорически отрицал насильственное половое сношение с Г., утверждая, что она добровольно совершила с ним половой акт на территории детского сада. По заключению экспертов, на теле потерпевшей обнаружены множественные телесные повреждения в виде царапин и ссадин и анатомическое нарушение девственной плевы. По заключению судебно-психологической экспертизы, Г. как личность с повышенной внушаемостью и без волевого начала не могла оказать сопротивления в ситуации воображаемого или реального насилия. Отсутствие привычки к употреблению алкоголя могло усугубить ее нерешительность и пассивность в ситуации насилия. Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу, что при таких обстоятельствах, свидетельствующих о беспомощном состоянии потерпевшей в силу алкогольного опьянения и возраста, выводы суда о беспомощном состоянии потерпевшей являются законными и обоснованными» [60, с. 528].

При изнасиловании или насильственных действиях сексуального характера в качестве способа достижения преступного результата не может расцениваться обман, поскольку таковой не образует насильственную составляющую объективной стороны деяния.

Однако, в отдельных публикациях звучат предложения включить обман в качестве способа совершения понуждения к действиям сексуального характера: «В современных условиях мы полагаем неправильным исключать уголовно-правовую охрану половой свободы, на которую виновный посягает посредством обмана» [23, с. 111].

Автор рассуждает об обмане в гражданско-правовой сфере, а также обмане, применительно к конструкции преступлений против собственности, хотя применение такой аналогии к сфере тонких интимных отношений видится весьма неуместным.

«Уголовно-правовой потенциал проанализированного состава преступления необходимо увеличить, убрав формальные и маломотивированные границы, включив в него посягательства на половую свободу путем обмана» [23, с. 114] – резюмирует автор.

Однако, автор, по всей видимости, не задумывается на предмет использования подобной конструкции в реалиях жизни. Любое недопонимание, вызванное не только прямым ложным высказыванием, но и умолчанием об отдельных фактах со стороны одного из сексуальных партнёров (обман именно в таком понимании автор предлагает включить в диспозицию ст. 133 УК РФ) превращают интимную близость, как часть межличностных и семейных отношений, в половое преступление, запрещённое уголовным законом под угрозой наказания.

Ложное заявление о намерении материально отблагодарить лицо за вступление в интимную связь, или ложное заявление о намерении вступить в законный брак не создают предпосылок для квалификации деяния, как полового преступления. Представляется недопустимым огульно применять криминализацию и реагировать установлением уголовно-правового запрета на все ситуации, входящие в противоречие с нормами морали. В противном случае, значительная часть современного общества превратится в потенциальных насильников.

Представляет научный и практический интерес разграничение действий, объективно похожих на половые преступления и, собственно, половых преступлений, обоснованно влекущих уголовную ответственность. В данном случае объективно сходными с половыми преступлениями могут выступать «ролевые игры», реализуемые сексуальными партнёрами в качестве элемента интимной жизни.

Подобные формы досуга, реализуемые сексуальными партнёрами, могут быть довольно разнообразными и включать в себя объективные элементы насильственных преступлений сексуального характера: применение физического насилия разной степени интенсивности (устные угрозы его применения), а также следующее за этим половое сношение и иные действия сексуального характера. По своим объективным характеристикам подобные действия очень сильно похожи на совершение преступления, предусмотренного ст. 131 или ст. 132 УК РФ.

Ключевым же отличием, не позволяющим их отождествлять, выступает осознанный и добровольный характер сексуальных манипуляций указанной разновидности. Потерпевшая (потерпевший), добровольно соглашаясь на такого рода «игру», становится её полноценным участником и, более того, желает реализации всех её интимных составляющих, о чём пишут отдельные зарубежные авторы [82].

От части по этой причине действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [69] (УПК РФ) относит преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 131 и ч. 1 ст. 132 УК РФ к делам частного-публичного обвинения, которые «возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя» (ч. 3 ст. 20 УПК РФ).

Именно такой порядок возбуждения уголовных дел о половых преступлениях отвечает задаче исключения необоснованного властного вмешательства правоохранительных органов в глубоко интимную сферу взаимодействия совершеннолетних граждан, обладающих правом полноценно реализовать свою половую свободу.

Возбуждение уголовного дела по ч. 1 ст. 131 и ч. 1 ст. 132 УК РФ без заявления потерпевшего (на основании ч. 4 ст. 20 УПК РФ) может осуществляться лишь в результате полноценной проверки информации о преступлении, после анализа всех имеющих правовое значение обстоятельств, дабы не допустить необоснованное привлечение лица к уголовной ответственности при отсутствии противоправности и виновности его поведения.

Производя уголовно-правовую квалификацию понуждения к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ), необходимо чётко разделять преступное понуждение и спорное с точки зрения морали, но не являющееся противоправным, склонение лица к интимной связи.

Второе может быть реализовано в виде так называемого соблазнения, которым следует считать «склонение лица к сексуальному контакту, посредством обещания какого-либо блага, выгоды» [27, с. 119], как отмечает А.Н. Красиков.

Уговоры лица, имеющие целью вступление в связь с субъектом, на которого направлено его влечение, создаёт (или может создать) желание сексуального контакта как с точки зрения физиологии, так и с точки зрения корысти (желания получения материального блага за согласие вступить в половую связь). Но подобные действия, являющиеся содержанием соблазнения, не ставят адресата соблазнения, в некое безвыходное положение, что и не позволяет считать соблазнение противоправным в рамках ст. 133 УК РФ.

Однако, с момента внесения изменений в действующий УК РФ, результативное соблазнение, осуществлённое совершеннолетним в отношении лица в возрасте от 16 до 18 лет, связанное с обещанием материально отблагодарить за вступление интимную связь, является уголовно наказуемым и влечёт ответственность по ст. 240.1 УК РФ, диспозиция которой вводит запрет на получение сексуальных услуг несовершеннолетнего.

Правоприменителю необходимо учитывать, что наказуемыми являются не любые, а предусмотренные в ст. 133 УК РФ способы осуществления понуждения к действиям сексуальной направленности.

«Отменяя приговор в части осуждения лица по ст. 133 УК РФ, суд кассационной инстанции отметил, что при переквалификации действий виновного со ст. 135 УК РФ на ст. 133 УК РФ суд не учел, что диспозиция ст. 133 УК РФ связывает наличие состава с конкретными действиями сексуального характера, к совершению которых виновное лицо понуждает потерпевших, и не просто под угрозой, как указано в приговоре, а путем шантажа, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества либо с использованием материальной или иной зависимости потерпевших. Такого способа воздействия на потерпевших в действиях осужденного не имелось, следовательно, состав данного преступления в них отсутствует» [36] – указывается в материалах судебной практики.

Во многих случаях виновные в совершении преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ осуществляют понуждение путём шантажа, который, может быть произведён с использованием сети «Интернет».

Приведём пример из местной судебной практики: «И. осуждён по ст. 133 УК РФ. Виновный произвёл видеозапись интимной близости с потерпевшей К., когда она по его предложению, занималась с ним оральным сексом. В последующем И. стал высказывать требования потерпевшей вновь встретилась с ним и удовлетворяла его половую страсть, угрожая в случае отказа распространить сделанную им запись в сети Интернет» [63].

В рассматриваемой практической ситуации, деяние подлежит квалификации по совокупности как незаконное собирание сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия (ч. 1 ст. 137 УК РФ).

«Не образует объективную сторону настоящего преступления назойливое, циничное, открытое предложение лица вступить с ним в сексуальный контакт при отсутствии шантажа, угрозы или не сопряжённое с

использованием материальной или иной зависимости потерпевшей стороны» [2, с. 235] – считают специалисты.

Кроме того, «... одно лишь предложение зависимому материально или по службе лицу совершить действия сексуального характера без реального ущемления его законных прав и интересов либо угрозы причинить вред таким интересам, не может рассматриваться как преступление, предусмотренное ст. 133 УК РФ» [71, с. 408].

На практике могут возникать определённые сложности при разграничении преступлений, предусмотренных ст. 133 и 134 УК РФ.

В частности, если виновное лицо производит склонение потерпевшего несовершеннолетнего к действиям сексуального характера, прибегая к шантажу, угрозам уничтожением, повреждением или изъятием имущества либо с использует зависимость потерпевшего, деяние, изначально подпадающее под признаки ст. 134 УК РФ, перерастает в понуждение, что обуславливает необходимость привлечения данного лица к уголовной ответственности уже по ч. 2 ст. 133 УК РФ.

3.2 Проблемы совершенствования уголовно-правового регулирования и квалификации полового сношения и иных действий сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста и развратных действий

Половая неприкосновенность несовершеннолетних в России продолжает находиться в центре внимания законодателя, что обуславливает те многочисленные изменения норм УК РФ, инициированные на протяжении последнего десятилетия. Последние корректировки норм об ответственности за данного рода деяния были осуществлены в 2022 году и, как и все шаги законодателя в данном направлении, текущие изменения направлены на ужесточение ответственности за сексуальные посягательства на лиц, не достигших возраста сексуального согласия.

Благодаря международному сотрудничеству в рассматриваемой области принята Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений ETS № 201 (25 октября 2007 г.). На ее основе страны – члены Конвенции обязались принять законодательные или иные меры, обеспечивающие установление уголовной ответственности за занятие деятельностью сексуального характера с ребенком, который, согласно соответствующим положениям национального законодательства, не достиг установленного законом возраста для занятия такой деятельностью (пп. «а» п. 1 ст. 18), а также законодательно определить возраст, до которого запрещено вступать в действия сексуального характера с ребенком (п. 2 ст. 18) [21].

Тем не менее, состояние защищённости несовершеннолетних от сексуального насилия продолжает вызывать критику и с подвигает законодателя к очередным нормативным корректировкам, что не всегда способствует положительным результатам, а в ряде случаев создаёт существенные противоречия концептуальным основам отечественного уголовного законодательства, а также многочисленные проблемы правоприменительной практики, ввиду несовершенства предпринимаемых законодателем нормативных изменений.

Спорный характер законодательных новаций свойственен не только отечественному уголовному законодательству. Подобные аспекты упоминают и зарубежные авторы [81].

В юридической литературе вызвало живой интерес введение в УК РФ правил об отнесении к преступлениям, предусмотренным п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ, а также п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, деяний, подпадающих под признаки преступлений, предусмотренных ч. ч. 3-5 ст. 134 УК РФ и ч. ч. 2-4 ст. 135 УК РФ, если они совершены в отношении лица, не достигшего 12-летнего возраста, поскольку такое лицо в силу возраста находится в беспомощном состоянии, т.е. не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий [73].

Данные специальные правила квалификации половых преступлений в отношении несовершеннолетних включены в текст примечания к ст. 131 УК РФ, что создало своеобразную для отечественного уголовного права ситуацию, не имеющую аналога в действующем УК РФ.

Созданное законодателем примечание вызвало неоднозначное отношение среди специалистов. Ряд положений в дальнейшем нашёл своё отражение в упомянутом ранее Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 г. № 16.

Данная новелла серьёзным образом на порядок повысила репрессивный потенциал норм, регламентирующих ответственность за половые преступления в отношении несовершеннолетних. При этом, создалось противоречие с научно обоснованными и находящими своё отражение в правоприменении в течение многих лет положениями о квалификации половых преступлений.

Можно ли полагать, что в своем современном виде глава 18 УК РФ, применительно к малолетним, содержит усеченную систему преступлений против половой неприкосновенности, предполагающей лишь насильственные деяния?

Вероятно, ответ на данный вопрос будет положительным, с учётом ряда обстоятельств.

В России половые преступления, в первую очередь, воспринимаются на уровне науки и практики как деяния насильственной природы, и лишь отдельные из них являются исключением из правила – они предусмотрены ст. ст. 134 и 135 УК РФ. Как уже обозначено выше, примечанием к ст. 131 УК РФ законодатель запрещает квалифицировать по названным статьям УК РФ те деяния, потерпевшим по которым выступает малолетний – не достигший возраста 12 лет.

Законодатель, а в след за ним и суд, усматривает насилие не только там, где есть реальное его применение (или угроза применения), но и когда сексуальные действия осуществлены по отношению к лицам младше 12 лет.

Интересно в этой связи дело М., осужденного за совершение насильственных действий сексуального характера с использованием беспомощного состояния: «Суд обоснованно признал, что М., находясь вечером 22 декабря 2012 г. в гостях у своих знакомых и будучи осведомленным о том, что потерпевшие Ж. и Ш. заведомо для него не достигли двенадцатилетнего возраста, что объективно подтверждается их внешними данными и длительным знакомством с Ж., для которой он является крестным, совершил в отношении потерпевших насильственные действия сексуального характера. Поскольку, по смыслу закона, в случае совершения насильственных действий сексуального характера в отношении лиц, находящихся в беспомощном состоянии, к которым в силу примечания к ст. 131 УК РФ отнесены лица, не достигшие двенадцатилетнего возраста, вне зависимости от физического или психического насилия, утверждение в жалобах об отсутствии доказательств применения осужденным насилия к потерпевшим правового значения для квалификации по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ не имеет» [37].

Специалисты говорят в этой связи о том, что «указание в законе на беспомощное состояние потерпевшей (потерпевшего) с позиции действующего закона, следовательно, показывает, что сексуальные действия тогда носят насильственный характер, когда происходят вопреки воле потерпевших, в отсутствие их согласия» [18, с. 223].

Так как группу преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 12-летнего возраста, исчерпывают деяния, сопряженные с сексуальным насилием: изнасилование (ст. 131 УК РФ) и насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ), система может быть названа усеченной.

Создание данного примечания обусловлена изменением уголовной политики в отношении половых преступлений и намерения усилить защищенность подрастающего поколения уголовно-правовыми средствами.

Но одного желания недостаточно и обозначенное благое устремление законодателя нуждается, как минимум, в непротиворечивой основе, а также понятных и логичных правилах применения при квалификации преступлений сексуального характера. Это тем более важно, с учётом того, что размеры санкций за соответствующие деяния максимально строги – вплоть до пожизненного лишения свободы.

Подвергая научному анализу созданное законодателем примечание, специалисты верно отмечают, что с ним связаны специальные «правила квалификации сексуальных посягательств в отношении лица, не достигшего 12-летнего возраста» [57, с. 31].

Своеобразной является ситуация, обусловленная тем, что упомянутое спорное по своей сути примечание относит к преступлениям, предусмотренным п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, деяний, подпадающих под признаки преступлений, предусмотренных отдельными частями ст. 135 УК РФ развратных действий.

Как указывает А.А. Энгельгардт, «примечание задает иной предмет для разговора: любые развратные действия, совершенные в отношении малолетних, независимо от их характера и степени опасности, в итоге оцениваются как насильственные действия сексуального характера. Возможно, это верный подход, в благородстве целей любого закона о защите детей от сексуальных злоупотреблений сомневаться не принято» [75, с. 84].

Резкая критика подобного нововведения вполне обоснована. На протяжении десятилетия споры не утихают. Ряд специалистов высказывают категоричное мнение о невозможности и научной несостоятельности квалификации по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ бесконтактных развратных действий интеллектуального характера (обнажение половых органов, демонстрация порнофильмов и т.п.) ввиду несоизмеримой суровости санкции за указанное деяние, диктуемой примечанием к ст. 131 УК РФ, не адекватной опасности таких действий – лишение свободы на срок от 12 до 20 лет [15, с. 21].

Действия сексуального характера, пусть и не сопряжённые с телесным контактом, безусловно, требуют осуждения со стороны общества и государства, но объективно не имеют той степени негативного воздействия на личность потерпевшего, что и контактные развратные действия в наиболее изощрённых разновидностях (в виде орального или анального сексуального контакта).

С учётом отмеченного выше, распространять действие примечания к ст. 131 УК РФ на бесконтактные развратные действия, уравнивая высказывания сексуального содержания в сети «Интернет», адресованное малолетней и занятие анальным сексом с малолетней, как минимум, странно и не соответствует соразмерности и справедливости осуществляемого уголовно-правового воздействия на лицо, совершившее соответствующее деяние.

Как вариант, возможно отдельно предусмотреть в виде квалифицированного состава в рамках ст. 135 УК РФ совершение бесконтактных развратных действий в отношении лица, не достигшего возраста 12 лет, но не квалифицировать такое деяние по правилам примечания. Такой вариант озвучивается отдельными авторами [28, с. 36].

А.Ю. Сичкаренко, в качестве варианта, предлагает «ограничить круг развратных действий в ст. 135 УК РФ исключительно действиями, состоящими в интеллектуальном воздействии на несовершеннолетнего, исключив при этом ссылку на ст. 135 УК РФ из примечания к ст. 131 УК РФ» [58, с. 35].

Временным решением (до законодательных преобразований) изложенной проблемы могут стать новые разъяснения Пленума Верховного Суда РФ о содержании и способах совершения развратных действий [5, с. 198], пишет в своей работе А.А. Бимбинов.

Также необходимо учитывать, что действия, совершенные в Интернете, имея вид развратных действий в отношении лиц, не достигших 12 лет, могут, в то же время, содержать признаки иных преступлений. Например, лицо использующее Интернет, может преследовать цели распространения или

публичной демонстрации порнографических материалов. Представляется необходимым зафиксировать четкие критерии, когда содеянное вызовет применение примечания к ст. 131 УК РФ, а когда будет уместно ставить вопрос о наличии иного состава преступления.

В одном из обзоров основных положений Постановления Пленума № 16 содержится следующее предложение, позволяющее корректно разрешить ситуацию: «Для квалификации рассматриваемых действий по статьям главы 18 УК РФ умыслом виновного должно охватываться причинение вреда конкретному лицу либо индивидуально-определенному кругу лиц, только в этом случае объект преступления будет представлен половой неприкосновенностью и (или) половой свободой личности. Такими действиями могут выступать отправка sms-сообщения непристойного содержания несовершеннолетнему лицу, адресные Skype-контакты с демонстрацией интимных частей тела и др. В иных случаях, когда адресат информационного воздействия... представлен индивидуально неопределенным для виновного кругом лиц, уместно ставить вопрос... о пункте «б» части 3 статьи 242 УК РФ» [29, с. 47].

Также, как уже от части упоминалось выше, вызывает серьезные нарекания соответствие санкций степени общественной опасности предусмотренных в примечании к ст. 131 УК РФ преступлений. Это может и должно обсуждаться, с учетом правовой позиции Конституционного Суда РФ, который нечасто обращается к проблемам материального уголовного права. Согласно же позиции Конституционного Суда РФ, «закрепляя в части четвертой статьи 132 УК Российской Федерации наказание за мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера... с использованием беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей), если они совершены в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, федеральный законодатель учел общественную опасность такого насильственного посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних» [38].

Законодатель, создав весьма необычный механизм квалификации половых преступлений в контексте введённого примечания, по необъяснимой причине полагает объективно одинаковыми и равнозначными с точки зрения наказуемости, совершение полового акта с малолетней и совершение бесконтактного развратного действия в виде публичного обнажения половых органов, как акта эксгибиционизма, в присутствии малолетнего.

Безусловно, такое деяние не может и не должно оставаться без соответствующей правовой оценки со стороны государства, но его уравнивание с реальным насильственным половым актом с малолетним лицом в корне не обосновано, особенно с учётом того, что такому эксгибиционисту грозит уголовное наказание в виде лишения свободы на срок от 12 до 20 лет.

Сравнительно, лицу, виновному в убийстве двух и более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ), или убийстве с особой жестокостью (п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ), а также виновному в совершении террористического акта (ч. 1 ст. 205 УК РФ) грозит меньший по нижней границе размер наказания (от 8 лет лишения свободы), чем за публичное обнажение половых органов в присутствии лица, не достигшего 14 лет. Подобную ситуацию сложно счесть нормальной.

В науке также дискутируется вопрос о нижней возрастной границе возраста лица, выступающего потерпевшим при бесконтактных развратных действиях.

В частности, если виновный обнажает половые органы в присутствии ребёнка, от 0 до 2 лет, то, как обоснованно указывают в научных публикациях, «возникает вопрос об отсутствии общественной опасности данного поведения, так как у ребенка в этом возрасте отсутствует фактическое осознание объективно происходящего» [74, с. 96].

Данное предложение имеет смысл. Тем не менее, определение нижней границы возраста потерпевшего при подобной форме развратных действий должно основываться на авторитетных исследованиях в области детской психологии

Исходя из изложенного, в целях совершенствования уголовного законодательства и создания единой практики применения его положений в области охраны половой свободы и неприкосновенности представляется необходимым, как минимум, внести в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» положение, рекомендуемое квалифицировать деяние в виде развратных действий в отношении лица, не достигшего 12-летнего возраста, по п. «б» ч. 4 ст. 132 или п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ только в том случае, если по обстоятельствам дела будут установлены факты совершения данных действий контактным путём.

Применительно к квалификации преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ, в правоприменительной практике встречаются ошибки квалификации, связанные с определением возраста субъекта рассматриваемого деяния. Совершеннолетний возраст имеет своё начало – следующие сутки после 18-той даты рождения лица, на что указывает Пленум Верховного Суда РФ [45].

Если развратные действия, были совершены лицом до обозначенного момента, преступления не образуют.

«Истринским городским судом 01.03.2013 Кузьмин Н.Д., обвиняемый в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 135 УК РФ, оправдан на основании п. 1 ч. 2 ст. 302 УПК РФ (не установлено событие преступления). Согласно предъявленному обвинению Кузьмин Н.Д., 25.06.1993 года рождения, являясь лицом, достигшим 18-летнего возраста, в период с сентября 2011 г. по 09.04.2012, при добровольном согласии своей сводной сестры М., 13.01.1999 года рождения, на совершение в отношении неё развратных действий, множественное количество раз, не установленное следствием, умышленно, осознавая, что М. достигла 12-летнего возраста, но не достигла 14-летнего возраста и половой зрелости, совершал развратные действия без применения насилия в отношении ее. Доводы обвинения не нашли своего

подтверждения в судебном следствии. Установлено, что между потерпевшей М. и Кузьминым Н.Д. действительно были половые отношения, но эти отношения продолжались с марта 2011 г. по лето 2011 г., т.е. до того времени, как Кузьмину Н.Д. исполнилось 18 лет» [48].

С определёнными сложностями связано определение как преступного, демонстрации несовершеннолетнему аудиовизуальной продукции, имеющей интимное содержание.

В науке высказываются мнения о том, что «продукция сексуального содержания, демонстрируемая виновным потерпевшему, для того, чтобы считать это деяние подпадающим под признаки ст. 135 УК РФ, не обязательно должна являться порнографической» [6, с. 8].

Это верно лишь в том случае, демонстрацию сюжета, имеющего эротическую окраску, виновный будет сопровождать скабрёзными циничными ремарками и комментариями. Демонстрация же фильма, не являющегося порнографическим, не может выступать самостоятельной формой реализации объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ.

Более верной, конечно же, будет являться иная точка зрения, в соответствии с которой «для квалификации действий виновного по ст. 135 УК РФ при демонстрации фото или видеопродукции последним, возможна только при отнесении такой визуальной продукции к порноматериалам» [33, с. 69].

Несмотря на сходность эротики и порнографии, между данными категориями есть важное и весьма существенное различие, допускающее к обороту эротическую, и обуславливающее установление запрета на оборот порнографии.

В науке отмечают, что критерии разграничения рассматриваемых категорий «являются культурно-историческими и зависят от индивидуальных вкусов» [40, с. 235]. Но несмотря на достаточную размытость критериев для дифференциации, факт остаётся фактом – без отнесения сюжета к разряду

порнографических посредством проведения соответствующей экспертизы, считать таковой средством совершения развратных действий неправомерно.

«Порнография имеет прямую направленность на возбуждение полового инстинкта, а эротика имеет направленность на удовлетворение эстетических потребностей личности» [31, с. 185] – пишут другие специалисты.

Такая позиция представляется более правильной и обоснованной, так как обратное позволяло бы правоприменителю с лёгкостью усмотреть бесконтактные развратные действия в демонстрации подростку произведений, входящих в категорию мирового художественного наследия, что абсурдно по своей сути.

Также требует отдельного комментария озвучивание в присутствии несовершеннолетнего адресованной ему информации, связанной с интимной составляющей жизни в целях сексуального просвещения, половой осведомлённости, предупреждения ранних половых связей, информирования о мерах контрацепции и т.д.

«С точки зрения некоторых юристов, и не только их, любая сексуальная информация и сексуальное просвещение несовершеннолетних, включая элементарные анатомические сведения, есть криминальная эротизация» [19, с. 336].

Подобная точка зрения абсурдна. Доведение до несовершеннолетнего определённых сведений сексуального содержания нельзя рассматривать в отрыве от целей такого информирования.

Прикосновения и поцелуи, как разновидность действий, посредством которых может совершаться рассматриваемое преступление, также необходимо разграничивать с проявлениями любви и заботы к несовершеннолетнему со стороны родных и близких.

«При отсутствии законодательной оценки акцент должен быть сделан на установлении явно выраженных признаков сексуального характера, которыми обладало бы действие виновного. В противном случае весьма затруднительно будет провести различие между ласками родителей или других близких людей

и действиями сексуальной окраски» [25, с. 15] – обоснованно указывает М.А. Коротаева.

В завершении третьей главы исследования, подведём её итоги и сформулируем выводы.

Анализ нормативного регулирования и правоприменения в вопросах квалификации преступлений против половой свободы и неприкосновенности говорит о наличии достаточного числа проблем, обусловленных как несовершенством законодательных формулировок, так и сложностями толкования.

В отдельных публикациях звучат предложения включить обман в качестве способа совершения понуждения к действиям сексуального характера, однако данное предложение видится несостоятельным.

Любое недопонимание, вызванное не только прямым ложным высказыванием, но и умолчанием об отдельных фактах со стороны одного из сексуальных партнёров (обман именно в таком понимании автор предлагает включить в диспозицию ст. 133 УК РФ) превращают интимную близость, как часть межличностных и семейных отношений, в половое преступление, запрещённое уголовным законом под угрозой наказания.

Ложное заявление о намерении материально отблагодарить лицо за вступление в интимную связь, или ложное заявление о намерении вступить в законный брак не создают предпосылок для квалификации деяния, как полового преступления.

Представляется недопустимым огульно применять криминализацию и реагировать установлением уголовно-правового запрета на все ситуации, входящие в противоречие с нормами морали. В противном случае, значительная часть современного общества превратится в потенциальных насильников.

Представляет научный и практический интерес разграничение действий, объективно похожих на половые преступления и, собственно, половых преступлений, обоснованно влекущих уголовную ответственность. В данном

случае объективно сходными с половыми преступлениями могут выступать «ролевые игры», реализуемые сексуальными партнёрами в качестве элемента интимной жизни.

Подобные формы досуга, реализуемые сексуальными партнёрами, могут быть довольно разнообразными и включать в себя объективные элементы насильственных преступлений сексуального характера: применение физического насилия разной степени интенсивности (устные угрозы его применения), а также следующее за этим половое сношение и иные действия сексуального характера. Подобная «игра» с объективной точки зрения очень сильно похожа на совершение преступления, предусмотренного ст. 131 или ст. 132 УК РФ.

Ключевым же отличием, не позволяющим как с точки зрения теории, так и с позиций практики, считать такие действия преступными, выступает добровольный характер совершаемых действий.

Потерпевшая (потерпевший) добровольно соглашаясь на такого рода «игру», становится её полноценным участником и, более того, желает реализации всех её составляющих.

Поэтому является оправданным отнесение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 131 и ч. 1 ст. 132 УК РФ к делам частного-публичного обвинения, которые «возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя» (ч. 3 ст. 20 УПК РФ).

Такой порядок возбуждения подобных уголовных дел призван не допустить необоснованное привлечение лица к уголовной ответственности при отсутствии противоправности и виновности его поведения.

Состояние защищённости несовершеннолетних от сексуального насилия продолжает вызывать критику и с подвигает законодателя к очередным нормативным корректировкам, что не всегда способствует положительным результатам, а в ряде случаев создаёт существенные противоречия концептуальным основам отечественного уголовного законодательства, а также многочисленные проблемы правоприменительной

практики, ввиду несовершенства предпринимаемых законодателем нормативных изменений.

В первую очередь, обоснованной критике в науке подвергается примечание, обозначенное в тексте ст. 131 УК РФ, создавшее специальные правила квалификации половых преступлений в отношении несовершеннолетних.

Создание данного примечания обусловлена изменением уголовной политики в отношении половых преступлений и намерения усилить защищённость подрастающего поколения уголовно-правовыми средствами. Но одного желания недостаточно и обозначенное благое устремление законодателя нуждается, как минимум, в непротиворечивой основе, а также понятных и логичных правилах применения при квалификации преступлений сексуального характера.

Это тем более важно, с учётом того, что размеры санкций за соответствующие деяния максимально строги – вплоть до пожизненного лишения свободы.

Представляется не соответствующим критериям соразмерности и справедливости уравнивание между собой контактных и бесконтактных развратных действий, применяемых виновным в отношении малолетнего лица, не достигшего возраста 12 лет.

Со всей очевидностью высказывания сексуального содержания в сети «Интернет», адресованное малолетнему лицу и иные контактные действия, связанные с проникновением в тело малолетнего лица, не обладают равной общественной опасностью и не причиняют одинаковый во всех отношениях ущерб нормальному психосоциальному формированию личности.

Как вариант, возможно отдельно предусмотреть в виде квалифицированного состава в рамках ст. 135 УК РФ совершение бесконтактных развратных действий в отношении лица, не достигшего возраста 12 лет, но не квалифицировать такое деяние по правилам примечания.

Временным решением (до законодательных преобразований) изложенной проблемы могут стать новые разъяснения Пленума Верховного Суда РФ о содержании и способах совершения развратных действий, препятствующие квалификации бесконтактных развратных действий в отношении лица, не достигшего возраста 12 лет по правилам, диктуемым примечанием к ст. 131 УК РФ.

В науке также дискутируется вопрос о нижней возрастной границе возраста лица, выступающего потерпевшим при бесконтактных развратных действиях, с учётом того, что на ранних этапах формирования личности ребёнок не обладает необходимой степенью осознанности и не способен объективно осознавать содержание развратных действий бесконтактной природы – например, обнажение половых органов в присутствии малолетнего в возрасте от 0 до 2 лет.

Данное предложение имеет смысл. Тем не менее, определение нижней границы возраста потерпевшего при подобной форме развратных действий должно основываться на авторитетных исследованиях в области детской психологии.

Заключение

В заключении работы сформулируем общие выводы по проведённому исследованию.

Все обозначенные деяния, посягающие на половую свободу и половую неприкосновенность объединены между собой именно объектом посягательства, что обуславливается специфической направленностью посягательств, отражаемой в предусмотренных законодателем объективных и субъективных признаков данных деяний.

Объективные признаки деяний, посягающих на половую свободу и неприкосновенности обозначены в диспозициях соответствующих норм, входящих в содержание главы 18 УК РФ.

Вызывает вопрос необходимость отдельно выделять в составах половых преступлений мужеложство и лесбиянство. Очевидно, что и мужеложство, и лесбиянство являются разновидностями гомосексуальных действий. Причём, если категория «лесбиянство» включает в себя максимально возможный спектр интимных взаимодействий между лицами женского пола, то «мужеложство» сводится лишь к введению полового члена одного сексуального партнера в анальное отверстие другого сексуального партнера мужского пола. Иные формы гомосексуального взаимодействия между мужчинами уже будут относиться к категории «иные действия сексуального характера».

Включение вышеназванных категорий в диспозиции составов половых преступлений имело бы смысл лишь в том случае, если бы влияло на квалификацию деяния. В этой связи стоит отказаться от данных терминов в пользу термина «гомосексуальные действия». Данный оборот более лаконичен и при этом содержательно включает в себя весь спектр действий сексуального характера между лицами одного пола.

Таким образом, категории «мужеложство» и «лесбиянство» следует заменить в диспозициях всех составов преступлений против половой свободы

и половой неприкосновенности, где они упомянуты законодателем, на оборот «гомосексуальные действия».

Не только в России, но и в подавляющем большинстве зарубежных государств установлена ответственность за сексуальные связи с лицами, не достигшими минимально допустимого, с точки зрения законодателя, возраста.

С точки зрения теории уголовного права, а также смежных наук (психологии, медицины и т.д.) определение данной возрастной границы представляется очень сложным и неоднозначным.

Данный возрастной рубеж, преодолев который лицо получает возможность вступать в сексуальные отношения с кем угодно по своему разумению, в науке называют «возраст согласия», или «возраст сексуального согласия».

Подход же законодателя в указанном вопросе продиктован социокультурными и морально-этическими представлениями, существующими в конкретных условиях. Именно поэтому в разных государствах и в разных культурах понимание допустимости интимного контакта по возрастному критерию лишено однозначности.

В Российской Федерации половая неприкосновенность определяется законодателем в отношении лиц, которым не исполнилось 16 лет, что соответствует наиболее общей возрастной границе.

Много вопросов возникает с толкованием понятия «развратные действия» и их категоризацией. Наиболее содержательной и отвечающей задачам правоприменения, является разделение развратных действий на контактные, реализуемые посредством физических манипуляций виновного с потерпевшим, включая прикосновения к телу и проникновения в тело, и бесконтактные, реализуемые опосредованно – через речевое, текстуальное, аудио-визуальное и иное коммуникативное взаимодействие – без телесного взаимодействия.

Все обозначенные в вышеназванной главе преступления с точки зрения вины, как ключевого элемента объективной стороны деяния, закономерно,

совершаются только с прямым умыслом – невозможно совершить сексуальное преступление с косвенным умыслом, либо по неосторожности (по небрежности).

Подвергая реформированию нормы главы 18 УК РФ, законодатель по какой-то непонятной причине исключил признак «заведомости» в осознании виновным не достижения определённого возраста потерпевшим из диспозиций статей о половых преступлениях. По сути, отсутствие указания на заведомость для виновного соответствующего возраста потерпевшего позволяет подходить к квалификации деяния формально, исходя из фактического возраста жертвы, минуя необходимость доказывания факта субъективного осознания его виновным, как препятствующего законной половой связи. Такая ситуация не соответствует концептуальным подходам науки уголовного права и, фактически, указывает на объективное вменение.

Пленум Верховного Суда РФ в своём Постановлении, адресованном правоприменителю, корректирует несоответствующую научному подходу формулировку законодателя, однако, такое решение видится не вполне правильным с точки зрения законодательной техники – указание на заведомость возраста потерпевшего должно быть обозначено в соответствующих диспозициях.

Говорить о единстве подходов в определении субъектов всего спектра половых преступлений не приходится, поскольку субъекты отдельных преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности отличаются друг от друга по соответствующим признакам.

Следует особо подчеркнуть, что применительно к деяниям, предусмотренным ст. 134 и ст. 135 УК РФ, имеет место специальный субъект – лицо, достигшее совершеннолетия.

Это означает, что половое сношение или иные действия сексуального характера, включая развратные действия, совершаемые на добровольной основе между несовершеннолетними – например, между лицом, достигшим возраста 17 лет и достигшим возраста 13 лет) не являются преступными и

влекущими уголовную ответственность. Законодатель не возводит таковые в ранг преступления, хотя социум может считать такое поведение недопустимым и заслуживающим морального порицания.

Анализ нормативного регулирования и правоприменения в вопросах квалификации преступлений против половой свободы и неприкосновенности говорит о наличии достаточного числа проблем, обусловленных как несовершенством законодательных формулировок, так и сложностями толкования.

В отдельных публикациях звучат предложения включить обман в качестве способа совершения понуждения к действиям сексуального характера, однако данное предложение видится несостоятельным.

Любое недопонимание, вызванное не только прямым ложным высказыванием, но и умолчанием об отдельных фактах со стороны одного из сексуальных партнёров (обман именно в таком понимании автор предлагает включить в диспозицию ст. 133 УК РФ) превращают интимную близость, как часть межличностных и семейных отношений, в половое преступление, запрещённое уголовным законом под угрозой наказания.

Ложное заявление о намерении материально отблагодарить лицо за вступление в интимную связь, или ложное заявление о намерении вступить в законный брак не создают предпосылок для квалификации деяния, как полового преступления.

Представляется недопустимым огульно применять криминализацию и реагировать установлением уголовно-правового запрета на все ситуации, входящие в противоречие с нормами морали. В противном случае, значительная часть современного общества превратится в потенциальных насильников.

Представляет научный и практический интерес разграничение действий, объективно похожих на половые преступления и, собственно, половых преступлений, обоснованно влекущих уголовную ответственность.

В данном случае объективно сходными с половыми преступлениями могут выступать «ролевые игры», реализуемые сексуальными партнёрами в качестве элемента интимной жизни.

Подобные формы досуга, реализуемые сексуальными партнёрами, могут быть довольно разнообразными и включать в себя объективные элементы насильственных преступлений сексуального характера: применение физического насилия разной степени интенсивности (устные угрозы его применения), а также следующее за этим половое сношение и иные действия сексуального характера. Подобная «игра» с объективной точки зрения очень сильно похожа на совершение преступления, предусмотренного ст. 131 или ст. 132 УК РФ.

Ключевым же отличием, не позволяющим как с точки зрения теории, так и с позиций практики, считать такие действия преступными, выступает добровольный характер совершаемых действий.

Потерпевшая (потерпевший) добровольно соглашаясь на такого рода «игру», становится её полноценным участником и, более того, желает реализации всех её составляющих.

Поэтому является оправданным отнесение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 131 и ч. 1 ст. 132 УК РФ к делам частного-публичного обвинения, которые «возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя» (ч. 3 ст. 20 УПК РФ).

Такой порядок возбуждения подобных уголовных дел призван не допустить необоснованное привлечение лица к уголовной ответственности при отсутствии противоправности и виновности его поведения.

Состояние защищённости несовершеннолетних от сексуального насилия продолжает вызывать критику и с подвигает законодателя к очередным нормативным корректировкам, что не всегда способствует положительным результатам, а в ряде случаев создаёт существенные противоречия концептуальным основам отечественного уголовного законодательства, а также многочисленные проблемы правоприменительной

практики, ввиду несовершенства предпринимаемых законодателем нормативных изменений.

В первую очередь, обоснованной критике в науке подвергается примечание, обозначенное в тексте ст. 131 УК РФ, создавшее специальные правила квалификации половых преступлений в отношении несовершеннолетних.

Создание данного примечания обусловлена изменением уголовной политики в отношении половых преступлений и намерения усилить защищённость подрастающего поколения уголовно-правовыми средствами. Но одного желания недостаточно и обозначенное благое устремление законодателя нуждается, как минимум, в непротиворечивой основе, а также понятных и логичных правилах применения при квалификации преступлений сексуального характера.

Это тем более важно, с учётом того, что размеры санкций за соответствующие деяния максимально строги – вплоть до пожизненного лишения свободы.

Представляется не соответствующим критериям соразмерности и справедливости уравнивание между собой контактных и бесконтактных развратных действий, применяемых виновным в отношении малолетнего лица, не достигшего возраста 12 лет.

Со всей очевидностью высказывания сексуального содержания в сети «Интернет», адресованное малолетнему лицу и иные контактные действия, связанные с проникновением в тело малолетнего лица, не обладают равной общественной опасностью и не причиняют одинаковый во всех отношениях ущерб нормальному психосоциальному формированию личности.

Как вариант, возможно отдельно предусмотреть в виде квалифицированного состава в рамках ст. 135 УК РФ совершение бесконтактных развратных действий в отношении лица, не достигшего возраста 12 лет, но не квалифицировать такое деяние по правилам примечания.

Временным решением (до законодательных преобразований) изложенной проблемы могут стать новые разъяснения Пленума Верховного Суда РФ о содержании и способах совершения развратных действий, препятствующие квалификации бесконтактных развратных действий в отношении лица, не достигшего возраста 12 лет по правилам, диктуемым примечанием к ст. 131 УК РФ.

В науке также дискутируется вопрос о нижней возрастной границе возраста лица, выступающего потерпевшим при бесконтактных развратных действиях, с учётом того, что на ранних этапах формирования личности ребёнок не обладает необходимой степенью осознанности и не способен объективно осознавать содержание развратных действий бесконтактной природы – например, обнажение половых органов в присутствии малолетнего в возрасте от 0 до 2 лет.

Данное предложение имеет смысл. Тем не менее, определение нижней границы возраста потерпевшего при подобной форме развратных действий должно основываться на авторитетных исследованиях в области детской психологии.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Агафонов А.В. Мотив и цель половых преступлений // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Восьмой Международной научно-практической конференции 27-28 января 2011 г. М. : Проспект, 2011. С. 363-366.
2. Агафонов А.В. Половые преступления. М. : Издательство «Юрлитинформ», 2009. 452 с.
3. Арестов А.И. Криминологические и уголовно-правовые меры борьбы с организованной преступностью. Монография. М., 2007. 295 с.
4. Архив районного суда Ленинского района Еврейской автономной области Дело № 2-17/2013 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
5. Бимбинов А.А. Практика применения норм об ответственности за половые преступления (статья 131-135 Уголовного кодекса РФ) и способы её совершенствования // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 1. С. 191-204.
6. Бимбинов А.А. Развратные действия: контактные и бесконтактные формы // Уголовное право. 2015. № 2. С. 4-11.
7. Борисова О. Вопросы квалификации понуждения к действиям сексуального характера // Уголовное право. 2014. № 5. С. 25-29.
8. Брусенцева В.А. Эволюция правового регулирования ответственности за ненасильственные половые преступления против несовершеннолетних // Закон и право. 2013. № 1. С. 72.
9. Васильченко Д.Е. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступлениями, посягающими на нормальное половое и нравственное развитие малолетних: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2002. 325 с.
10. Давитадзе М.Д., Калинина Е.И. История становления и развития законодательства России об ответственности за изнасилования // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 1. С. 75-79.

11. Дерягин Г.Б. Криминальная сексология: Курс лекций для юридических факультетов. М., 2008. 255 с.
12. Дьяченко А.П. Уголовно-правовая охрана граждан в сфере сексуальных отношений. М., 1995. 315 с.
13. Закон РСФСР от 27.10.1960 г. «Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР» (вместе с Уголовным кодексом РСФСР) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
14. Ивентьев С.И. Гомосексуализм (содомия) с точки зрения четвертого и пятого поколений прав человека // Законность и правопорядок в современном обществе: сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2013. С. 225-227.
15. Изотова М., Островецкая Ю. Проблемы применения законодательства об ответственности за ненасильственные сексуальные посягательства на несовершеннолетних // Уголовное право. 2013. № 4. С. 20-21.
16. Капинус О.С., Додонов В.Н. Незаконные половое сношение и иные действия сексуального характера с несовершеннолетними // Современное уголовное право в России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности: Сборник статей. М. : Буквовед, 2008. С. 193-199.
17. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. А.И. Рарог. - М. : Проспект, 2011. 780 с.
18. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. Г.А. Есакова. - М. : Проспект, 2017. 965 с.
19. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.А. Чекалин. - М. : Юрайт-Издат, 2002. 571 с.
20. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. Т. 1. - М. : Проспект, 2015. 792 с.
21. Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений (CETS № 201) (Заклучена в г. Лансароте 25.10.2007 г.) // СЗ РФ. 2014. № 7. Ст. 632.

22. Коновалов Н.Н. Уголовная ответственность за понуждение к действиям сексуального характера // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2008. № 1. С. 215-217.

23. Конорезов Н.А. Обман как способ понуждения к действиям сексуального характера // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 12-2. С. 110-114.

24. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // «Российская газета» от 4 июля 2020 г. № 144.

25. Коротаева М.А. Развратные действия, совершаемые лицами с гомосексуальной направленностью в отношении несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. 2010. № 1. С. 14-17.

26. Котельникова О.А., Загорьян С.Г., Стешич Е.С. Некоторые проблемные вопросы квалификации развратных действий // Юристъ-Правоведъ. 2021. № 4 (99). С. 68-71.

27. Красиков А.Н. Преступления против личности. Саратов, 1999. 487 с.

28. Кузнецов А.В. Совершенствование практики применения норм уголовного закона об ответственности за развратные действия ненасильственного характера в отношении несовершеннолетних // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 1. С. 35-39.

29. Мелешко Д.А. Постановление Пленума Верховного Суда «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»: обзор нововведений // Уголовное право. 2015. № 3. С. 45-48.

30. Михайлова Е.В. Криминологическая характеристика преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы // Криминологический журнал. 2021. № 1. С. 43-47.

31. Нагаев В.В. Эротика и порнография. Критерии различий. Проблемы правовой оценки и экспертизы. М., 2009. 265 с.

32. Николаев К.Д. Общественная опасность преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Современное право. 2011. № 2. С. 116-118.

33. Оберемченко А.Д. Развратные действия: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. 288 с.

34. Оберемченко А.Д. Развратные действия: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. 23 с.

35. Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2002 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 9.

36. Определение № 45-097-97 по делу Щербакова: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за первый квартал 1998 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 9.

37. Определение Верховного Суда РФ от 07.08.2014 г. № 205-АПУ14-6 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

38. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2015 г. № 1969-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шарафутдинова Игоря Мустакимовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 10, статьей 22, примечанием к статье 131 и статьей 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

39. Орешкина Т.Ю., Устинова Т.Д. Принуждение как способ совершения преступления и как уголовно наказуемое деяние // Современное право. 2009. № 9. С. 8-12.

40. Осокин Р.Б. Теоретико-правовые основы уголовной ответственности за преступления против общественной нравственности: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 490 с.

41. Островецкая Ю.А. Развратные действия: проблемы квалификации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2010. № 38 (214) Вып. 24. С. 62-68.

42. Пиголкин Ю.И., Попов В.Л. Судебная медицина. Учебник. М. : Феникс, 2015. 470 с.

43. Пионтковский А.А. Учение о преступлении. М. : Издательство Юридической литературы, 1961. 537 с.

44. Плутницкая Е.Н. Социально-демографическая характеристика жертв принуждения к вступлению в половую связь // Вестник Пермского университета. 2013. № 2. С. 15-19.

45. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4.

46. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. №2, февраль, 2015.

47. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 8. (Акт утратил силу)

48. Приговор Истринского городского суда Московской области от 01.03.2013. Дело № 6-13 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

49. Приговор Истринского городского суда Московской области от 30.01.2012 г. Дело № 1-25/12 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

50. Приговор Магаданского городского суда Магаданской области от 20.02.2014 г. Дело № 1-56/2014 (23180) // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

51. Приговор Останкинского районного суда города Москвы от 22.02.2008 г. Дело № 1-129/08 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

52. Приговор Сергиево-Посадского городского суда Московской области от 06.05.2007 г. Дело № 1-270/07 (14844) // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

53. Приговор Сергиево-Посадского городского суда Московской области от 29.07.2010 г. Дело № 1-403/10 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

54. Приговор Сергиево-Посадского федерального районного суда Московской области от 10.08.2000 г. Дело № 1-540/00 (5766) // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

55. Приговор Шпаковского районного суда Ставропольского края от 08.12.2009 г. // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

56. Сафиуллин Р.Р. Развратные действия: понятие и основные признаки // Теория и практика современной юриспруденции: материалы международной заочной научно-практической конференции. 13 марта 2013 г. Новосибирск, 2013. С. 87-95.

57. Ситникова А. Преступления сексуального характера: интерпретация норм и применение // Уголовное право. 2013. № 3. С. 30-36.

58. Сичкаренко А.Ю. Старые проблемы норм о сексуальных преступлениях // Общество и право. 2014. № 1. С. 34-39.

59. Смирнов А.М. К вопросу о классификации преступных посягательств на половую неприкосновенность и половую свободу личности // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 3. С. 307-310.

60. Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / Составители С.В. Бородин, И.Н. Иванова; под общ. ред. В.М. Лебедева. М., 2005. 788 с.

61. Тасаков С., Кочетов Р. Развратные действия в сети Интернет // Уголовное право. 2014. № 5. С. 96-101.

62. Тыдыкова Н.В. О некорректном использовании медицинских терминов при конструировании составов половых преступлений в Уголовном кодексе Российской Федерации // Юрислингвистика. 2018. № 7-8. С. 56-63.

63. Уголовное дело № 1-25/15 // Архив Автозаводского районного суда г. Тольятти

64. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / Под ред. В.К. Дуюнова. - М. : РИОР: ИНФРА-М, 2019. 780 с.

65. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. В.П. Ревина. - М. : Юстицинформ, 2009. 473 с.

66. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. Ф.Р. Сундунова, М.В. Талан. - М. : Статут, 2012. 943 с.

67. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. - М. : Проспект, 2015. 589 с.

68. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. - М. : Новый Юрист, 1998. 396 с.

69. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

70. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

71. Учебно-практический комментарий к Уголовному кодексу / под общ. ред. А.Э. Жалинского. М.: Изд-во Эксмо, 2005. 620 с.

72. Федеральный закон от 28.01.2022 г. № 3-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 5. Ст. 677.

73. Федеральный закон от 29.02.2012 г. № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные

акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» // СЗ РФ. 2012. № 10. Ст. 1162.

74. Чугунов А.А., Морозова А.А. Особенности квалификации насильственных действий сексуального характера // Современное право. 2016. № 6. С. 95-105.

75. Энгельгардт А.А. Система половых преступлений (в контексте примечания к статье 131 УК РФ) // Lex russica. 2017. № 12. С. 83-90.

76. Яни П. Вопросы квалификации половых преступлений // Законность. 2013. № 5. С. 17-25.

77. Яруллина Н.Н. Некоторые проблемы квалификации изнасилования по Уголовному кодексу РФ // Современные проблемы юридической науки: Материалы VIII Международной научно-практической конференции молодых исследователей (Юридический факультет Южно-Уральского государственного университета, 4-5 мая 2012 г.) В 2-х частях. Ч. II. Челябинск, 2012. С. 233-236.

78. Hart H. Criminal law in the modern world. New York, 2010.

79. John P. Punishment Decisions at Conviction. New York, 2005.

80. Robert Crooks, Karla Baur. Our Sexuality. Wadsworth, 2002.

81. William J. Stuntz. The collapse of American Criminal Justice. 2011.

82. Youngjae Lee. Reasonable Doubt and Moral Elements // Journal of Criminal Law and Criminology. Winter 2015.